

Астрадени Джейн

ЛЕГЕНДЫ КОСМОСА

СОЗВЕЗДИЕ МЕЧА

ЧАСТЬ 1

Аннотация

Вот и завершилось Большое космическое путешествие... А для путешественников всё только начинается! Межгалактическая конференция, пространственная аномалия, вторжение инопланетян, переполох на космической станции... И это только начало!

Джейн Астрадени

Созвездие Меча. Часть 1

*«Даже на едва уловимый вздох вселенная
отзовётся... Роковым эхом!*

В любом уголке космоса».

РуМартин — галактический пилот

**Сага о героях звёзд, грандиозных открытиях и
величайших победах**

Зачин...

— Фиксирую астрономическое время и начинаю отсчёт, — голос инженера торжественно гремел в динамиках звездокатера.

— Нас только двое, — поморщился учёный и убавил громкость. — Прекрати вещать. Просто отметь показания приборов.

— А Вселенная? — возразил Егор. — Как самая вероятная свидетельница.

— Как бы не превратилась в пострадавшую, — усмехнулся Фиримин. — Если так нужна аудитория, обратись к туманности. Вдруг, филиноиды уловят.

— Ничего вы, шакрены, не смыслите в романтике испытательного момента! — рассмеялся

Хрусталёв. — Мы же впервые в истории галактики забрасываем пробный шар!

— Не шар, а «вихревой аномальный мета-преобразователь».

Инженер закатил глаза.

— Это земная метафора... Даром, что капитан Талех вас приобщил.

— Таких жертв от нас он не требовал.

Егор вздохнул. Этих самрай-шак не поймёшь, — когда они шутят, а когда говорят всерьёз.

— Ладно. Хотя бы не мешай вести бортовой журнал. Итак! Мы находимся в пределах двести шестьдесят восьмого пространственного градуса ипсилон квадранта относительно Дельфы. Временной радиус по астрогринвичу...

— Астро... Чему? — недоумённо переспросил Фиримин.

— Астрогринвичу, — повторил Хрусталёв. — Это — нулевая точка отсчёта в квадратичной космической сетке относительно нулевого меридиана Земли...

— Что-то не возьму в толк, — засомневался шакрен. — Где Земля, а где Ардиум-система...

— Ардиум-то? Как раз в ипсилон квадранте, — рассеянно откликнулся инженер, сверяя координатную сетку с угловыми измерениями на верхнем синергетическом табло.

— Так вот... Земля не подходит для точки

отсчёта. Слишком далеко отсюда и вращается вокруг Солнца.

Фиримин откровенно не понимал земных учёных. Почему народ с отсталой и отдалённой планеты упорно мнит себя центром мироздания?..

— Есть! — заорал Егор, едва не оглушив шакрена.

Куда там динамикам!

Но одно шакренионцы чётко уяснили — чем дальше индивидуумы обитают от центра галактики, тем вопят громче.

— Точно в цель! — ликовал инженер. — Ура!

— Надеюсь, ты зарядил не весь образец? — поинтересовался Фиримин, подозрительно разглядывая коллегу.

— Не-а, половину, — ответил тот, с азартом вперившись в экран.

— Половину?!?!

— Конечно, — Хрусталёв усмехнулся. — Или я похож на идиота? Это же только предварительный эксперимент...

Шакрен застонал и схватился за лоб.

«Как неразумно!»

— ...Остальное сохранил для синтеза и контрольного испытания.

— Следовало же постепенно наращивать...

Егор хмыкнул, довольно откидываясь на спинку кресла.

— Вам — цефейцам не дано оценить всю прелесть научного риска.

Он бесцеремонно хлопнул коллегу по плечу.

— Причём тут риск?! — возмутился шакрен, отстраняясь и с трудом удерживая своего ндарима от членовредительства.

— И никакие мы не цефейцы.

— Ошибаешься! Ваше светило входит в пятиугольник Цефея... По крайней мере, с нашего угла обзора.

— Пора бы некоторым постичь, что у шакренов иная астрометрия вселенной. Мы не воспринимаем отдельные фигуры, а соединяем звёзды в единый узор мироздания.

— Да ладно тебе, — примирительно улыбнулся Егор, ни капли не устыдившись. — Общая карта созвездий принята астрографическим объединением конгломерата.

— Не будем спорить, — дипломатично предложил Фиримин. — Следи за приборами. Многовато зарядил. Образцы нестабильны.

— Пока всё в порядке. Ждём, — землянин наткнулся на встревоженный взгляд шакренионца и заверил. — Риктонитовое ядро стабилизирует распад, а каркас удержит аномалию в приемлемом радиусе и не даст развернуть оптимальную точку до срока... О-ох...

Короткая вспышка ослепила мониторы,

заливая верхнее табло. Осветила взволнованные лица испытателей, выстрелила голубыми лучами и превратилась в белое «веретено» с искрящимися «нитьями»...

Учёные зачаровано уставились на экран, ожидая появления воронки.

«Веретено» покружилось и пропало, так же внезапно, как и появилось.

— Рано, — Шакрен нахмурился и покачал головой.

— И это всё? — разочарованно протянул Егор. — Эх! Мало... Надо бы весь арсенал...

— Нет! — воскликнул Фиримин. — Нет!.. Подождём ещё. Возможна... Отсроченная реакция.

— Лады, — согласился Хрусталёв. Ему и самому было интересно.

Целый стандартный ролдонский час или одну седьмую шакренского «дневного пути», они развлекались тем, что тарасились на звёзды, дегустируя энергетические коктейли из окезской провинции Попьюлоза...

«На травках», — хихикал инженер.

И следили за показаниями приборов.

— Пора, — вздохнул Фиримин, когда в пространстве так ничего и не изменилось. — Пора возвращаться на базу.

— погоди! — воскликнул Егор, внезапно хватая шакрена за руку.

— Что... — начал было тот, но уже и сам заметил, на переднем экране.

От предполагаемой оптимальной точки отделились три жёлтых огонька и устремились к звездокатеру.

— Что это? — шакрен удачно перефразировал вопрос.

«Хотелось бы знать» — подумал Хрусталёв и бодренько так ответил:

— Привет от аномалии! Что бы ни было, оно движется к нам.

— Вселенная откликнулась, — предположил Фиримин. — Почувяв неладное.

— Ого, а шакрены, оказывается, умеют шутить, — хмыкнул Егор.

Учёный возмущённо уставился на инженера.

— Я — серьёзно...

— Слева по борту, — вскоре засёк Хрусталёв. — Очень близко.

Неопознанный объект приблизился и двинулся вдоль катера, намереваясь его обойти.

— У этой штуки вероятно датчики на препятствие... Посмотрим, кто это решился нас навестить...

— Не стоит, — предостерёг шакрен.

Егор с сомнением покосился на Фиримина.

«А с виду мужик как мужик...».

И пробубнил:

— Как с вами самрай-шаками тяжело.

Фиримин нахмурился.

— Ладно. Тащи на борт...

«Что ни попадя».

— Вот теперь вижу — наш человек! —
ухмыльнулся инженер.

— Я — шакрен!

Егор обрадовался и втянул неизвестную
штуку в трюм, лихо управляя бортовыми
захватами.

— Интересно, что за фиговина...

— Я первый!..

Исследователи наперегонки ринулись в
нижний отсек и затормозили там в замешательстве
перед неведомой штуковиной. По виду это
отдалённо напоминало спасательную капсулу,
только чересчур маленькую. Шишковидное нечто
преспокойно стояло в круге защитного поля и
помигивало огоньками.

— Что же там внутри? — пробормотал
Фиримин.

Егор почесал затылок, обошёл загадочный
предмет и потёр переносицу. В результате этого
таинственного ритуала, который шакрен
неоднократно тщился разгадать, инженера осенило:

— Кажется... Это же миди-кип*! Я знаю, что
там!

Невзирая на запоздалые протесты учёного,

моментом отключил защитное поле и очутился возле миди-кипа...

— Нет!

И его вскрыл.

— А сканер на что? — досадливо проворчал шакрен.

— Поздно, — сообщил инженер, убирая в сторону крышку.

Под ней оказался изоляционный слой — плотная рифлёная оболочка с синими прожилками.

— Кокон, — определил инженер.

Фиримин заинтересовано моргнул, отложил сканер и подошёл. Едва Хрусталёв дотронулся до поперечной складки, как она разошлась подобно застёжке молнии, и кокон раскрылся.

— Органическая прослойка... — начал учёный и удивлённо осёкся.

В мягком углублении миди-кипа спал младенец, смешно посапывая, и улыбаясь во сне.

— Вот так! Вместо аномалии, у нас чудо-ребёнок? — хохотнул инженер, тихонько, чтобы не разбудить найдёныша.

— Появление одинокого ребёнка в ореоле туманности уже само по себе аномалия, — веско заметил шакрен.

— Вряд ли. Обычное дело. Скорей всего, где-то неподалёку прошло линдрийское судно. И совсем недавно.

— А причём здесь линдри, — недоумевал Фиримин, — и маленький землянин?

— Он таковым лишь выглядит, — улыбнулся Егор. — Тебе ли не знать?

Фиримин присмотрелся к младенцу... Тонкая синяя, немного размытая линия проходила через подбородок, нос и лоб малыша, разделяя лицо как бы на две половинки, и терялась в золотистом пушке на макушке... Знак новорожденного линдри. Исчезнет, когда ребёнку исполнится цикл, а через много лет снова появится, предупреждая о первом окукливании.

— И то верно. Чего это землянину делать в линдрийском коконе.

— Чем-то запахло, — скривился Хрусталёв. — Фу-у!

— Им? — шакрен указал на младенца.

— Едва ли, — Егор присел на корточки рядом с миди-кипом. — Ребятёнок же в ана-подгузнике... Хотя... Чем это его намазали?

Инженер пристально изучил ребёнка, покрытого слоем пахучей мази — какого-то питательного субстрата. И сладковатый запах постепенно расплзался по трюму. А к тельцу младенца крепились присоски, подведённые трубчатыми волокнами...

— Похоже, мальчика порядочно оснастили.

Фиримин присел рядом, притерпевшись к

запаху.

— И кто ты у нас? — Егор протянул руку, но вдруг заколебался. — Знаешь, Фир, думаю, не стоит трогать ана-подгузник. И так видно, что мальчик, вроде бы...

Шакрен только пожал плечами. Ему не нравилось, когда сокращали его имя.

— Или нет... Но, кажись, таки парень... А ты в этом понимаешь?

— Ясно одно — оно не вея, — Фиримин еле сдержал улыбку. — Я уверен. Поскольку сам родитель.

— Вот так? Гм... Раз опыт размножения у тебя имеется... — задумчиво протянул инженер. — Неужто разбираешься и в последствиях?

— Немного... Когда заканчивается период кормления, сари-шак передают старшему рода.

— Но это — линдри и, вероятно, мальчик...
Постой! У него тут голо-метрика!

Востроглазый Егор заметил треугольную коробочку на предплечье ребёнка и осторожно её коснулся. Над колыбелькой миди-кипа возникла голограмма. Значки, символы, буквы... И поскольку учёные регулярно прививались сывороткой перевода, то без труда прочли:

— «РуМаартан».

— Так его зовут? — неуверенно предположил шакрен.

— Да, по ходу это имя, — подтвердил землянин. — Почти как Мартин, по-нашему. И точно мальчик!

— Здесь ещё цифры, — отметил Фиримин.

— Дата. И не сегодняшняя. Скорей всего... Дата рождения! Ему не больше фазы. Довольно крепкий на вид!.. Имя, дата... Это всё-таки хорошо, но...

— В каком смысле? — шакрен недоумённо приподнял брови, исказив налобный узор.

«Что хорошего в потере ребёнка?»

— Ну, в том, что когда-нибудь его родители, захотят найти отпрыска... А больше никаких данных, — рассуждал инженер. — Совсем никаких сведений... То есть, они не рассчитывают, что ребёнок сам отыщет их.

— Что-то я не понял, — нахмурился Фиримин.

Егор задумчиво посмотрел на него и хлопнул себя ладонью по лбу:

— Так ты не в курсе?!

— О чём?

— Как ребёнок здесь очутился.

— Ни малейшей догадки. Сами собой в открытом космосе младенцы не растут. Даже в коконах. Могут лишь предположить, что корабль потерпел крушение и... — шакрен уставился на Хрусталёва. — Они не успели послать сигнал

бедствия! Надо немедленно сообщить в агентство космических аварий! Вдруг его уже ищут...

— Так, понятно, — землянин рассмеялся и озадаченно покрутил головой. — Ты давно с гор спустился?

— Откуда?

— То бишь вышел из степей-городов или... Откуда вы там попадаете в бескрайний безжалостный мир? Во! Из Обители Шакрениона. По слухам, она находится в горах.

— В горах лишь Дар Шакренар*, — сдержанно уточнил Фиримин. — Остальные шестнадцать самдакиров* разбросаны по всей планете. Я, как потомственный исследователь, учился в предгорьях Хугрона и уже три оборота исследую космос.

— Разумеется, всё путём, — усмехнулся Егор, — но этому в Обители вас не учат...

— Чему? — удивился шакрен. — В Обители учат всему, существенно расширяя границы познания и тренируя ндаримов.

— Короче, — вздохнул инженер. — Я понял. В обычаи и нравы линдри вас не посвящают.

— Зачем? Чему хорошему они способны научить самрай-шак?

— Ого! Тогда плохому тебя буду учить я, — заулыбался землянин. — Видишь ли, мой шакренский... э-э... Брат, — тоном заядлого гуру

продолжал он. — Ребёнок не потерялся. Просто мамашка с папашкой решили не заниматься его воспитанием. Они сочли, что дитё прекрасно обойдётся без них, и отправили его в независимый полёт...

— Как можно! — возмутился Фиримин, не дав инженеру договорить. — Это же беспомощный ребёнок! А они выбросили его, как...

— Не выбросили, — снисходительно поправил Егор, — а отправили искать счастья. Наверное, в другой семье ему будет лучше.

— Какая семья? Это жестокий космос! С опасной туманностью на задворках.

— Так уж? Рядом ведь Ролдон и станция. Смотри, — инженер приподнял крышку и показал дисплей на внутренней стороне. — В кипе запрограммированы координаты, и установлен авто-навигатор. Малыша элементарно подкинули.

— Какая разница?! — ярился шакрен. — Твари!

— Это линдри, — пояснил Егор. — Они по сути кукушки.

— Кто?

— Птицы такие, у нас на Земле. Занесены в Чёрную книгу. Подкидывают своих птенцов в чужие гнёзда. Так и линдри собственных чад. Не все конечно, но для них это типично — подбросить ребёнка другим, если не можешь или не хочешь его

растить. Так что, у нас подкидыш...

Он изучил дисплей.

— Да, кип направлялся прямо на станцию. Его конструкция не приспособлена для вхождения в атмосферу. Да и ближайшая линдрийская общность на Ролдоне-2. Или же они рассчитывали, что какой-нибудь корабль возле станции подберёт кип, заметив огни.

— Куач*! — в сердцах выругался шакрен. — Дикость!

— Ой-ёй-ёй, — усмехнулся Хрусталёв и скептически поинтересовался:

— А кто воспитывает твоего малыша, пока ты исследуешь космические аномалии?

— Не путай квазар со звездой, — парировал Фиримин. — Я своего не бросал. Мой сари-шак в Гнезде. Я часто навещаю его. Таковы наши обычаи. Пока я исследую космос, о моём детёныше заботится старший родитель. Когда-нибудь я осяду, и буду также воспитывать потомство!

— Ладно-ладно, заботливый папаша. Не распаяйся. У линдри свои привычки.

— Всё равно не понимаю, — расстроено вымолвил самрай-шак. — Как она могла? Так долго вынашивала, ждала... И в космос!

— Это линдри-то?! — рассмеялся Егор. — Плодятся как кролики, и нету на них удавов. Раньше-то были гатраки, а теперь...

Фиримин помрачнел ещё больше, с жалостью поглядывая на ребёнка. Он знал, кто такие кролики и... удавы. Землянин лишь посмеивался.

— Возможно, это и дико. Для нас. Но, повторяю — таковы линдри... Вот как долго чарим-вей вынашивают потомство самрай-шак?

— В среднем пол оборота.

— Месяцев пять-шесть, — перевёл Хрусталёв. — А этим хватает полторы фазы, и всё — пирожок испёкся.

— Их пекут как пирожки? — шакрен решил, что бредит. Так частенько случалось во время разговоров с землянами. — Или кормят пирожками...

— Младенец готов, — расхохотался Егор. — Так у нас говорят. А по большому счёту, это и правда выглядит как пирожок...

— Как это?

— Линдри рождаются в коконе и развиваются в нём ещё фазу, пока он не раскроется. Как сейчас. А за это время родители прикидывают, нужен им ребёнок или нет... Будучи уверенные, что отпрыск адаптируется в любой среде и не особо переживая, нужны ли они ему. И тут-то они правы.

Инженер подмигнул спящему младенцу.

— Занятная получилась начинка у линдрийского пирожка.

— Безответственные и чёрствыые твари, —

непримиримо высказался Фиримин.

— Легкомысленные и вольнолюбивые приспособленцы, — возразил Егор. — Это же линдрии... Смотри-ка, проснулся!

Младенец неожиданно открыл мутные со сна глазки, будто почувствовал, что говорят о нём. Настороженно и почти осмысленно посмотрел на учёных, склонившихся над его колыбелью.

— Эй! Крошка Ру, — улыбнулся Егор. — Что нам с тобой делать, малыш?

Ребёнок скривил губки, и сморщился, явно собираясь разреветься, но затем словно передумал, и, поймав улыбку на лице шакрена, открыто и невинно улыбнулся ему в ответ. На правой щёчке линдрика образовалась трогательная ямочка, и сердце Фиримина не выдержало.

— Ты как знаешь, — решительно заявил он, обращаясь к землянину, — но у меня рука не поднимается вышвырнуть его за борт.

— А куда мы его денем? — растерялся Хрусталёв. — Я не привык возиться с младенцами. У меня своих нет... Запакуем обратно и все дела. В кипе он снова уснёт и проснётся уже на станции.

— Нет! — твёрдо сказал Фиримин. — Теперь мы в ответе за него, хочешь ты или нет. Возьмём с собой. На базе есть линдрии и даже... Как это по-вашему?

— Девочки, — Егор расплылся в улыбке. —

О, девочки! Девочки-линдри — это восторг! — и внезапно погрузился. — Пока не окуклятся... А там такое может вылезти из кокона!..

Он покосился на малыша.

— Это мальчик, — напомнил ему шакрен.

— Ну-у, этому до окукливания ещё оборотов двадцать-двадцать пять. И, да, он — мальчик. Его сюрпризы нас не касаются. Пусть сперва подрастёт... Ладно уж, мать Тереза.

Землянин поднялся и выразительно глянул на Фиримина.

— Под твою ответственность, герой! Пока что закроем. Чтобы не куксился дорогой. Есть захочет, а кип покормит, согреет и... Очистит ана-подгузник.

Он улыбнулся младенцу, потянулся за крышкой миди-кипа и заодно похлопал шакрена по плечу.

— Добро пожаловать в большой космос, детка!

Но Фиримин конечно же не воспринял это на свой счёт, сочтя, что земляне так успокаивают детей.

Ребёнок кряхтел, протестуя, пока инженер настраивал систему жизнеобеспечения кокона. Но вскоре затих и уснул...

Учёные поместили кип в защитное поле и вернулись в рубку. Там они сделали контрольные

замеры пространственных изменений, сверили показания и не обнаружили ничего интересного.

— Оставим метку, — предложил Фиримин. — Потом вернёмся.

— Дельная мысль, — с готовностью подхватил Егор и забросил к месту эксперимента спутниковый маяк.

Затем они сразу взяли курс на исследовательскую базу, дрейфующую сейчас за плотным шлейфом туманности. По пути Егор размышлял о неудачном опыте и анализировал ошибки. Фиримин думал о необычной находке...

Если бы они не были столь увлечены и задержались бы ещё чуть-чуть, немного понаблюдали и повторно сканировали область предполагаемой точки, то обнаружили бы небольшое магнитное колебание, уплотнение пространства и заметили едва уловимую пульсацию. Пульсация усиливалась, поглощая спутник-метку роем мерцающих пылинок. Число их неуклонно разрасталось, медленно, но верно достигая критической массы...

Примечание:

Миди-кип* или кип — контейнер с жизнеобеспечением, предназначенный для транспортировки коконов с детёнышами линдры в

космосе.

Куач* — неприличное шакренское ругательство, неперебиваемое на другие языки, но выражающее крайнюю степень презрения.

Дар Шакренар* — центральная Обитель Шакрениона.

Самдакиры* — учебные филиалы Обители.

Сезон 1. Вихрь неизбежности

*Джамрану всегда говорит «может быть»,
а если джамрану говорит «да» или «нет»,
то это не джамрану.*

Кредо джамранской дипломатии (укороченный вариант)

Звёздная дата — 1.1. Испытания

1.1.1. — Инструктаж!

Гром среди ясного неба! Или попросту обухом по голове... Что предпочтительней? Женьке выбирать не пришлось. Ей не дали ни времени на раздумья, ни пути к отступлению. Хотя Рэпсид прибыл на Серендал раньше назначенного срока. До конца третьего этапа оставалась ещё целая фаза.

— Понимаю, тебе невтерпёж, — поддразнивал Талех. — Но пролетит, и не заметишь.

— Ой-ой, да тебе самому не терпится. На что спорим?

— Нарываешься? Вот я тебе устрою!

— Ага, испугалась!

— Если боишься, можно продлить ожидание ещё на год, — коварно улыбнулся будущий муж. — Серендалский.

Но Женя на провокации не поддавалась. Она давно знала, что серендалский год-оборот в три раза длиннее стандартного астрономического цикла. Более того, надеялась с удовольствием прожить его на Серендале. После бракосочетания. А команда Рэпсида уже сейчас неплохо устроилась на курорте.

Какое это счастье! С корабля плюхнуться в море. Целую фазу плавать и загорать, валяясь на песочке, после опостылевших кают и бассейна. Ещё вчера болтался в космической пустоте, где за иллюминатором холодные звёзды. А сегодня — солёные брызги волн, зелёные блюдца островов и тёплое сияющее небо в разрывах облаков...

Не все предпочитали такой отдых. Кое-кто, сразу как получил открепление у капитана, смотался восвояси. То есть, и дальше бороздить космос на своё усмотрение, до следующей возможной экспедиции. Агрэгот, Фиримин и

Хрусталёв. Агрэгота ждали астероид, Свэдэнор и когорта. А непоседливых учёных, по их же словам, «научные поиски и эксперименты» на международной передвижной исследовательской галактической базе конгломерата — МПИГ БК-3. Таковая, как выяснила Женька, существовала ещё с начала второй эпохи и перестраивалась три раза.

— Наш курорт начнётся после, хм... свадьбы, — пообещал Талех, перехватив Женькин прощальный взгляд вслед улетающим товарищам.

Почему-то из уст джамрану слова «курорт» и «свадьба» прозвучали как-то неприлично...

— А сейчас — подготовка, и ещё раз подготовка, к четвёртому этапу.

Ага, теперь понятно почему...

Выяснилось, что Женя и не представляла себе, что такое подготовка к четвёртому этапу по-джамрански. То есть, опять совершенно ничего не знала о жизни в «современной галактике».

Вскоре после прибытия, и увольнения экипажа на планету, будущие супруги отправились в центр генетического контроля, где им полностью блокировали ген-переводчик на длительный срок.

— Теперь всё по-джамрански, — пояснил Талех.

И Женя отлично его понимала. Сандер оказался превосходным учителем, и к концу экспедиции они часами болтали на языке джамрану.

Если бы подготовка заключалась лишь в этом, то Женька бы только радовалась возможности попрактиковаться, но... Говорить требовалось в рифму. По возможности. Когда к ней обращался Талех... Но и это, как выяснилось, не смертельно. Особенно после того, как Евгении открылась страшная правда о джамранском браке. А просветил её Сандер, в ходе заключительного инструктажа. То есть, до того дня был лишь предварительный.

Он проходил неофициально — в поднебесной вилле Каримера. Сейчас там никто не жил, и Глава опекунского Совета любезно предоставил загородную резиденцию будущим супругам и Сандеру. Морголина ночевала дома, а подопечных навещала днём, выкраивая время между походами по магазинам, салонам и светскими раутами. На Серендале опекунша пребывала в своей стихии и выполняла обязанности спустя рукава. Сандер ворчал, для виду. А на самом деле ситуация всех устраивала.

Втроём, без посторонних, они спокойно расположились на плоской вершине пирамиды в беседке с прозрачной крышей. Пили послеобеденный чай, любуясь проплывающими мимо, в вышине и под ногами, пушистыми комьями облаков. Вершину обдувал ветерок, а небо над беседкой сияло, переливаясь радугой в

разноцветных хрусталиках купола... Морри занятая собой в ГМИ-салоне как всегда опаздывала. Наверняка ей подкручивали ресницы...

Всё так поэтично начиналось!

И Сандер начал издаലെка, по давней джамранской традиции:

— Джамрану не говорят с иномирцами о семейной жизни. И в гала-нете лишь поверхностная информация.

Женька от нетерпения грызла ложечку, крошила булку в пасту и кидала на опекуна пламенные взгляды.

«Не тяни кота за хвост!» — хотелось воскликнуть.

Но тот был неумолим и крайне обстоятелен.

— Как тебе известно, отношения между полами в джамранском обществе исключительно равные.

— Ухум-гу, — подтвердила Женя, на смеси джамранорусского диалекта, изобретённого ею тут же.

— У джамрану ведущими признаны не половые различия, а ролевые и субординационные. Каждый в течение жизни выбирает роль по вкусу и приобретает статус в силу таланта и склонностей. Пол не имеет значения.

Евгения кивнула.

— Таким образом, в джамранском мире,

изначально и в целом, не существует мужских или женских ролей. Генетический обмен осуществляется на равных условиях.

— Это мы уже уяснили, — Женя намекнула, что пора бы перестать ходить вокруг да около, пока Талех задумчиво созерцал облачные дворцы.

«Зачем он туда смотрит?»

— Но в семейной жизни всё непросто, — прозвучало не то, чтобы неожиданно, но довольно неутешительно.

— Роли совмещаются и переплетаются. Это происходит с того момента, как между женщиной и мужчиной возникает страсть, постоянное влечение и генетическая связь.

«Хм... Любовь, значит».

— Тогда на первый план выступают половые различия. Сила и желание мужчины защитить женщину, оберегать и обладать, а у женщин — капризность, загадочность и нежность. Но генетические партнёры остаются равноправными. В супружестве правила меняются...

Талех нахмурился, а Женя занервничала, заёрзала и уронила ложку...

«Почему он смотрит туда, а не на меня?!»

Упавшая ложка канула безвозвратно... Дерзкий ветер, словно из озорства, окончательно растрепал Женьке причёску...

— Супружеские отношения специфичны... —

пояснил Сандер, наблюдая, как Женя борется с облепившими лицо прядями...

Джамранским шевелюрам всё нипочём. Волосы как мягкая проволока...

— ... И четвёртый этап — это ещё и генетическая дуэль. Поединок генотипов за право доминировать...

Женя вздрогнула, икнула и уронила вторую ложку, а Талех наконец взглянул на неё. Спокойно и чуть вызывающе. Сандер выжидающе прищурился.

— Что-что? Повтори! — до Жени резко дошёл смысл его слов.

— Я и раньше тебе говорил...

— Не припомню.

— Говорил. Языковые нюансы...

— Рахх*! — вмешался Талех. —

Аи-двап-идхии*...

«Вот тебе и заменитель кошачьему хвосту, — изумилась Женя. — И такой короткий».

— Повторяю. Четвёртый этап — это поединок за право доминировать. В результате, либо победит сильнейший, а другой примет своё поражение и добровольно ему подчинится. Либо проигравший не смирится со своей участью и воспротивится. В этом случае четвёртый этап признают недействительным. Партнёрам продлят третий этап, чтобы они разобрались в себе и в отношениях.

Некоторые сразу расстаются или продолжают сохранять партнёрские связи, не стремясь к браку...

Женя сидела оглушённая. Талех испытующе смотрел на неё. Сандер ободряюще улыбался.

— Это ещё не всё.

Евгения мигом ухватила мысленно за эту соломинку.

— Так...

— Чаще всего не побеждает никто, и в семье устанавливается равноправие.

Она бы вздохнула с облегчением... Если бы не знала подноготную Талеха.

— Я тебя шокировал?

— Не очень.

Женя обвиняюще уставилась на будущего супруга.

— Зачем ты мне лгал?

— Разве я лгал? — удивился командор. — Мы об этом почти не говорили.

— Почему?

— Джамрану это так просто не обсуждают.

— Но я — землянка! — она хлопнула ладонью по столу, так, что зазвенели чашки и блюда.

— А выходишь замуж за джамрану, — напомнил Талех. — Я учил, испытывал тебя и, если пожелаешь... У тебя будет шанс победить.

— Да ну!?! — Женя выкрикнула это по-русски

и попыталась выровнять дыхание. — Я же понимаю, что мне в любом случае не победить... Так?

Она посмотрела ему в глаза. Там мерцали звёзды... И Талех выдержал её взгляд.

— И равными нам не быть...

— Нет.

— Такова твоя стратегия? Этого ты хочешь?

Он молчал.

— Стремишься доминировать?

Женя с трудом в это верила. Невольно вспомнилось, как Талех не позволял жалеть его, не допускал снисхождения к себе, командовал, соблазнял и... Убеждал в привлекательности чужой власти, побуждая довериться ему и покориться... Нет!

— Эр-ву*! — она совершенно вышла из себя.

Талех и бровью не повёл, чуточку иронично улыбаясь. Но внезапно ей почудилось, что в звёздных зрачках мелькнула досада. Лишь на секунду...

— Бесполезно, — ответил за него Сандер. — Он не скажет. Ему нельзя говорить. Вам обоим запрещено объявлять друг другу о своих намерениях. Они должны оставаться тайной, до времени. Предполагается, что вы достаточно изучили друг друга на предыдущих этапах. Вам придётся выяснить окончательно и принять это в

ходе брачной церемонии. И поступить соответственно. Согласно готовности. Или не принять...

«Откуда я знаю, к чему готовиться, — сокрушалась Женька. — Всё так запуталось... Невероятно!»

Молчание вновь воцарилось за столом. Ветер стих, а чайник пришлось заново подогревать...

— Я вовремя? — беспечно осведомилась Морголина, неожиданно возникая на пороге беседки, поправляя модную в этом сезоне накидку и усаживаясь на мягкий стул. — Кто мне нальёт чаю?.. Сандер? Не затруднит?

Опекунша вела себя подозрительно дружелюбно. Опекун вздохнул и потянулся за чашкой.

«Теперь ясно, к чему на Серендале роняют столовые приборы, — мрачно решила Женя. — К приближению хищной туманности по имени Морри».

Она спешно поискала глазами вторую ложку.

«Эста-хон*!.. Не слушается. Придётся самой поднять... Срочно*!»

Пока ещё кто-нибудь не нагрязнул. Не вовремя...

Примечание:

Рахх* (джабр.) — продолжай, делай ещё, действуй.

Полная форма рах-хон — продолжай немедленно.

Хон — повелительный залог настоящего времени. Используется для ускорения действия.

Аи-двапп-идхии* (джабр. приблиз.) — не вытягивай жилы (фразеологизм).

Аи — неопределённая частица в джабранском языке, иногда означающая отрицание.

Двапп — жила, канат. В составе с частицей «аи», а также «идх» (протяжённостью множественного числа) означает буквально — «не вытягивай жилы». То есть, приблизительно — «не медли», «не тяни».

Повелительная форма «Рахх-двапп-идхии» (укор. Раппидх) — хватит тянуть (медлить), поспеши. Налагает запрет через побуждение (речевая инверсия).

В значении «идхии» — растянутый (двойной) звук на конце передаёт интонационную протяжённость. В джабранском языке пишется одной буквой.

Эр-ву* (джабр., укор. вариант) — отвечай.

Эр — теперь, сейчас; вувари — говорить, разговаривать, вув — сообщать.

Эста-хон* (джабр. приказная форма) — встать. Эстах — сокращённая версия.

«Эста-хон*!.. Не слушается. Придётся самой поднять... Срочно*!» — лингвистическая шутка, игра слов.

Эс — поднять, эста — подняться.

В сочетании с временным повелительным залогом «хон» слово «эстах» переводится с джамранского, как глагол управления — «встать, встань, поднимись».

Более полная изначальная версия значения «эста-хон» — немедленно подними нижнюю часть тела с насиженного места.

В интерпретации Жени: «Оторви свою задницу от стула».

1.1.2. — Земляне не сдаются!

Талех был настроен победить. Женя в этом и не сомневалась.

Накануне знаменательного дня она долго не могла уснуть. Вертелась, крутилась, наматывая на себя одеяло, и пялилась в потолок. Старалась не думать, что за стенкою делает Талех.

«Спит как медведь в берлоге! Только что лапу не сосёт»...

Евгения невольно прислушалась.

«Нет! Ну как так можно?! Дрыхнуть перед самым ответственным днём!»

Она таки уснула и проснулась с тревожными

мыслями. Утро неумолимо забрезжило, и важный день наступил...

Вот они стоят в переходе на брачную арену, облачённые в свободные одеяния с разрезами в нужных местах... Глашатай джамм зачитывает брачный приговор... То есть, договор.

От волнения Женя почти ничего не видит, едва различая движущиеся тени под куполом круглого амфитеатра...

«Свадебный «Колизей»», — внезапно приходит на ум.

Почему-то темнеет. Она теряет ориентацию и наугад движется куда попало. Резко вспыхивает свет. И Женя обнаруживает себя, стоящей посреди брачного подиума в центре раскрытого цветка... Кто-то хватает её и опрокидывает на спину...

«Талех!»

Его лицо постоянно меняется, ускользает... Только глаза вспыхивают янтарным огнём. Отовсюду слышатся зловещие шепотки. Джамрану — изменчивый и чужой возвышается над ней... Костяные шипы вырываются из локтевых суставов, топорчатся острыми концами на предплечьях, пугающе украшают лоб... Крик застревает в горле. Лепестки подиума медленно смыкаются, отрастив на краях тонкие как иголки зубы. В одночасье Женька становится пленницей хищного растения, находясь во власти джамма, одержимого

генетическим обменом... Иголки превращаются в крючки и цепляются за ритуальные одежды, царапая похолодевшую кожу...

«Аааааааааа!»

Женя подскочила в постели, всё ещё окружённая видениями из жуткого сна. Разноцветными кляксами кошмары подступали к кровати, пока глаза не привыкли к темноте... Мало-помалу вернулись привычные очертания комнаты, с потонувшими во мраке углами и силуэтами мебели.

«Приснится же всякое!».

Сон казался таким реальным, что от ужаса пересохло во рту. Евгения схватила из ниши у изголовья стакан с водой и выдула залпом. Отчётливо ловя каждый удар сердца. Биение в груди понемногу замедлилось, дыхание выровнялось.

«Нервы лечить надо!»

Темень стояла за окном. Только лучи фонаря с балкона проникали в комнату сквозь неподвижные полоски занавесей. Рассеивались пятнами, падая на пол и простенки. Безветренный мир, охваченный дремой, расслабленно погрузился в тишину.

«Всё останавливается, когда мы спим».

Странное чувство нереальности наяву. Женя отбросила покрывало, встала и босиком прошла на балкон, отдёргнув узкие занавески. Безмолвная ночь.

Тёплый воздух, едва уловимо пахнувший пряностями...

Звёзды над Серендалом выглядели фантомными кругами. Затуманенные естественным атмосферным фильтром... Непривычно, но загадочно и красиво. Кольца, оборванные по краям спектра, тускло мерцали, как за чёрным пупырчатым оргстеклом.

Женя приблизилась к краю и прикоснулась к перилам. Неведомый материал, — то ли камень, то ли пластик, — приятно охлаждал пальцы. Вниз спускались выступы пирамиды и пропадали во тьме. Город вдали переливался огнями. Несколько светящихся точек отделились, пролетая под застывшими дугами поднебесных арок. Полночные гондолы...

— Не спится? — на балкон вышел Талех.

Будущих супругов поселили в соседних комнатах с общим балконом. Если в этом и прятался джамранский потаённый смысл, то Женька чересчур утомилась от джаммовых намёков и аллегорий, чтобы его искать. Её просто всё устраивало...

Она обернулась.

— Тебе тоже?

— Я что-то слышал, — пояснил Талех, — сквозь сон. Кричали?

— Это я, — смущённо ответила Женя. — Мне

снился кошмар.

Он стремительно пересёк балкон и остановился рядом, беспокожно разглядывая её. Ладонь командора легла на перила, чуть касаясь мизинцем Женькиной руки. В свете фонаря пальцы джамрану казались неестественно белыми и длинными. Хотя Евгения привыкла к его четырём фалангам, сейчас невольно вздрогнула... Он нахмурился, не сдержался и обнял её так, будто хотел согреть.

— Я не замёрзла, — раздражённо ответила она.

— Знаю... Чувствую тебя. Ты не должна бояться.

Евгения не ответила.

— Поговорим?

— Смотря о чём.

Она резко вывернулась, прислонилась к перилам и заглянула ему в лицо. Талех улыбнулся.

— Я сумею оградить тебя от кошмаров.

— Генетически?

— Пойми, — он снова привлёк её к себе. —

Джамрану равны от рождения, а статус приобретается по мере становления в социуме. Но даже чёткая иерархия и строгая субординация не подразумевает генетического доминирования. Различия в генотипах. Взрослые джамрану делятся на рецессивов и доминантов.

— Ты говоришь о доминантных и рецессивных генах?

— О производном неравенстве... Сила генотипа проявляется с возрастом, точнее в процессе активного генетического обмена. Итог — брачный поединок, где и определяется доминирующий генотип.

— Всюду генетические заморочки, — пробормотала Женька, утыкаясь ему в плечо. — Без них никак?

— Нет, — он крепче прижал её. — Наш вид — результат генной инженерии. Для поддержания генетического здоровья расы, контроль над искажёнными генами необходим...

— Как бы ни так! — взвилась Женька, почти оттолкнув его. — Рecessивный не означает дефектный.

— Я этого не говорил, — нахмурился Талех. — У джамрану многоуровневая ДНК. На одном уровне рецессивный определяется как скрытый, а на другом, как слабый.

— То есть, детям передаются гены доминантного родителя?

— Обоих родителей. Лучшее из генофонда брачного кристалла. Но ведущими становятся гены доминанта.

— Однако большинство браков — равноправные.

— Кто тебе сказал?

— Сандер.

— Он тебя обнадёжил. Только половина...

Джамрану не идеальны.

У Женьки как-то не укладывалось это в голове. Разве что одно — Талех определённо далёк от идеала.

Он настойчиво притянул её обратно.

— Не забывай. Мы — реформисты, а не традиционалисты. У нас сарх-кенох*. Всё не так уж и страшно.

Последние слова прозвучали с иронией.

Как там у традиционалистов, Евгения и представлять не хотела. Хорошо, что Талех не традиционалист.

— Зато у рецессивов свои преимущества.

— И какие? — язвительно спросила она. — Их носят на руках и кормят с ложечки?

Он рассмеялся.

— Размечталась!.. К примеру, от них не требуют сатисфакций.

— Какое счастье, — фыркнула Женька.

— Рецессив подчинён только своему доминанту. И ровня всем остальным. В обществе он занимает обычный статус, и может повысить его, если захочет.

— Я не джамранка, — напомнила Женя. — Мне тяжело раздвоиться.

— Тебе и не надо. Оставайся собой.

— Ага... А если, скажем, встретятся два рецессива?

— Скорей всего, они будут равноправны в супружестве и произведут сильное — доминантное потомство. Все дело в сочетании генов. А слияние слабых генотипов зачастую даёт ошеломительные варианты.

— А если доминанты сойдутся?

Жене почудилось, или Талех задержал дыхание, сжал на мгновение ладонь на её талии и отпустил...

— Тогда... Поединок бывает жарким. И... Либо ничья, либо одному приходится смириться. Всё относительно — один доминант может стать рецессивом более сильного доминанта. И не факт, что у них будет доминантное потомство.

— Бррр...

Она совершенно запуталась!

— Не забивай этим голову, — посоветовал Талех, указывая на горизонт. — Лучше посмотри туда. Светает...

Фонари на балконе постепенно тускнели и гасли. По кайме горизонта неспешно вспыхивали зарницы, сливаясь в ярко оранжевую полосу... На Серендале рассветало не так как на Земле... Вскоре нижняя линия потускнела до жёлтой, а выше загоралась другая, намного ярче... Так, чередуясь

полосками, восход поднимался к зениту, словно кто-то зажигал по частям громадный полосатый светильник...

Так Женя с Талехом и стояли в обнимку, пока рассвет не зажётся у них над головами, и небо засияло, разом осветив панораму: ступенчатое основание пирамиды, покрытые облаками впадины и затянутый прозрачным маревом город...

— Всё, — объявил командор. — Пора собираться. Каример обещал выслать за нами вихтрак*. Поторопись!

«Ну вот! Ещё не муж, а уже норовит подоминировать».

Талех разжал руки, Евгения отодвинулась от него и серьёзно заявила:

— Я не стремлюсь доминировать. Но учти, без боя не сдамся.

Лёгкая улыбка тронула его губы.

— На то и рассчитываю. Я не намерен играть в поддавки.

Через час гондола доставила их в Театр бракосочетания на телепатическую экспертизу к Каримеру. Заходили по очереди, как и полагалось. Талеху выпало идти первым, а Женя осталась ждать в пустом полутёмном коридоре с неработающими фонтанами кислородных шариков. Она волновалась, конечно, несмотря на заверения Сандера в лояльности Каримера. Вот так

Морголина и застигла её врасплох...

Опекунша коварно явилась раньше назначенного срока. С улыбкой на выхоленной ГМИ-добавками физиономии, она вместо приветствия цапнула подопечную за руку, корябнув запястье ухоженными коготками. Женя на мгновение запаниковала, вспомнив ночной кошмар... И невольно вообразив Морри в облике джамма...

— Поздравляю!

— С чем?

— Ты ухитрилась дойти до четвёртого этапа.

— Спасибо.

— Рано радуешься, — усмехнулась

Морголина, поблёскивая глазами.

— Пусти, — Женька с силой вырвала руку и, морщась, потёрла кисть.

От джамрану не так-то просто избавиться...

«Ну вот... Теперь будут синяки!»

— Ещё не поздно отступить... Представь, это на всю жизнь! Талех доминант... Какой ужас! Полный генетический контроль. Захочет в облике джамма или джаммогатрака и будешь как миленькая. А он всегда хочет. Гатрачья порода... — опекунша брезгливо скривила губы. — И генетический обмен всякий раз на его условиях.

«И чё она меня страшит?! Достала!»

Женя призадумалась. Вот Морри — наверняка

доминант. Поэтому её так колбасит от Талеха. Она хотела доминировать, но понимала, что с его ДНК это невозможно... Самое время подразнить опекуншу.

— О, ты не в курсе? Гатраки хотят всего один раз, от силы два... И совсем не того. А постоянно хотел только Фрэгдэнор и плохо кончил. Так что, нечего сваливать с больной головы на здоровую.

Женька ещё малость подумала, пока опекунша, скептически приподняв бровь, осмысливала её ответ, и одарила Морри блаженной улыбкой. Морголина насторожилась.

И правильно сделала.

— А что, — продолжала Женя, — что плохого в желаниях Талеха? Я ведь не против и... — она невинно посмотрела на опекуншу. — Мне не обязательно самоутверждаться и доминировать над кем-то, в отличие от тебя, чтобы чувствовать себя полноценной.

Морри открыла рот и неизвестно, что бы оттуда вылетело, но в этот момент дверь каримеровского кабинета отворилась, и...

— Случилось что-то? — поинтересовался Талех, увидев хмурю Морри.

— Ничего, — опекунша поджала губы.

— Вот и прекрасно... Твоя очередь.

Командор посторонился, пропуская Женю и придерживая для неё створку. Женька юркнула в

приоткрытую дверь, радуясь возможности сбежать от разгневанной Морголины.

Глава Совета снова очаровал Еву.

«Неужто Каример приходится родственником Морри? Или его усыновили в детстве... Нет. Скорее удочерили Морголину. Она больше смахивает на паршивую овцу.

Женя хихикнула.

— Смеёшься? — улыбнулся Каример. — Это хорошо. Присаживайся.

Из пола выскочило кресло, призывно растопырив подлокотники.

— Это недолго...

Женя с неохотой покидала Главу опекунов, получив вдобавок к хорошему настроению, массу полезных советов и напутствий. Вздыхая, вернулась в коридор, где её и поджидал опекун.

— А где Талех? И...

Женя недоумённо огляделась.

— ... Морри.

— Талех уже готовится, — ответил Сандер. — По традиции его отводит Морголина, а я — тебя.

«Значит, теперь и Талеха обрабатывает».

— Пошли?

— Куда? — она неожиданно испугалась.

— Переодеваться! И на брачную арену. Там вы с Талехом и сойдётесь.

«В страстном поединке... — добавила от себя

Женя. — Ага».

Примечание:

Сарх-кенох* — сообщество равных (буквально, джамр. укор. вариант), то же, что и демократия, только по-джамрански.

Сарх — совет, собрание, сообщество; кено — равный, равноправный, равнозначный.

Вихтрак* — воздушное транспортное средство Серендала похожее на гондолу.

1.1.3. — Эр ру-джамрану! Теперь по-джамрански!

— А форо*, — шептал Талех. — Смотри на меня, эт-жанди*. Только на меня.

Она смотрела и погружалась в таинственную глубину звездных зрачков, где крутилась разноцветной спиралью многомерная цепочка ДНК. Как Талех это делал, Женя и не представляла... Особенно лёжа навзничь посреди ритуального подиума.

Талех удачно расположился сверху, закрывая весь прочий обзор... Умышленно ли? Невольно?... Мысли читать Евгения не умела, а думалось здесь с трудом... Талех лихо обошёлся без приготовлений, уговоров и прелюдий. Горячо поцеловал, побуждая

откликнуться, ускорив перенос генов и возбуждая трансдукцию. Женя размякла, от макушки до пяток впад в приятную истому, и он быстро соединился с ней. Когда опомнилась, было уже поздно. Но зато так пронзительно...

«О-о!» — первая Женькина мысль.

«Ого!» — вторая.

Теперь, зная всю подноготную генетического обмена, она не удивлялась, что с позиции джамрану интимности в проникновении гораздо меньше, чем в нежном взгляде, брошенном украдкой.

«Да и правильно! — возникла третья мысль, притащив на хвосте заманчивый поток мыслеобразов. — Чего рассусоливать? А то пока бы собирался... Я б стеснялась и гадала, как выгляжу со стороны... А так... Не до того... Ой! А как это оттуда смотрится?!»

Взгляд лихорадочно заметался по секторам арены, где до самого купола амфитеатра расселись опекуны и опекунши всех поколений и мастей...

— Афоро, эт-жанди, — мягко повторил Талех, уловив её смятение, поймал запястья и придавил артерии большими пальцами.

И остановился, давая ей время привыкнуть.

— О*-варал*... Тхейм л-ланишь а*-хье кирал...

Пульс тотчас же забился в висках... А Женьку распёрло от смеха, так некстати.

«Что ему ответить?! — внезапно она запаниковала. — Чёрт! Брок! Гатрак!.. Нет, не то... Надо срочно исправляться!»

— О-хье шад, а-варал, пээж завирх...э...
Интеграл!

Талех изумлённо вскинул брови.

«Ну, подумаешь! Не получилось найти джамранскую рифму».

Всё-таки джаммского доминанта удалось поразить и нейтрализовать. Математика — великая сила! Пока Талех что-то там просчитывал в уме, Женя украдкой изучала членов совета на первых рядах... И никого не различала... Какие там Сандер и Морри?! Опекуны как будто слились в пёструю безликую и безмолвную массу. То ли от волнения взор застило. То ли кварковые лампы купола окрашивали потоки фотонов, создавая эфирный цветовой фильтр...

«Односторонний?»

— Туда не смотри.

Талех решил, что время истекло, предупредительно качнулся раз-другой и, упёршись ладонями в ложе, принялся вращательными движениями методично сводить Женьку с ума. Медленно, по спирали — вниз-вверх, вверх-вниз...

«Не поддаваться! Ни за что не поддаваться...
Ох!»

— П-почему? — Женя впиалась ногтями в

гладкое, пока что, покрытие и хватала ртом воздух.

— Им всё равно не до нас.

— Э?..

Она разрывалась между желанием обо всём забыть, подавшись навстречу Талеху, и любопытством пополам с возмущением:

«Так ради какого гатрака мы сюда припёрлись?!»

— Как это им не до нас?!

«Видите ли!»

— Сейчас... Подожди... — он то ускорял, то замедлял темп. — Афоро... Прямо над нами....

Женя подняла глаза и невольно ахнула... Нет, в куполе они не отражались. Зато прямо над подиумом и вокруг ложа появилась объёмная разноцветная проекция. Две отдалённо схожие ДНК — человеческая и джамранская в волнах направленного света.

Так вот что имел в виду Каример!.. Когда называл подиум фотонно-генетическим проектором. Точно-точно! Устройство, смонтированное аккуратно под ними, раскодировало электрические следы молекулярных зарядов и перевело их в фотонные импульсы, посылая изображение через зоны кварков в куполе арены и отражаясь от них в виде цветовой проекции. Как раз для того чтобы опекуны могли без помех насладиться зрелищем: Первое в истории сражение

генотипов джамрану и землянки!.. И чьё-то бесславное поражение...

— Так это наши? — неуверенно уточнила Женя.

— Твоя и моя — до наступления комплементарного многоуровневого синтеза, — очень туманно пояснил Талех.

Слово «наступление» Женьке не понравилось. А её избраннику, судя по всему, напомнило кое-что важное. Именно туда он и двинулся. В наступление. Совершенно не церемонясь. Резко усилил проникновение, иницируя глубокое генетическое сцепление и начало двойственной репликации. Отчего у избранницы дух захватило...

Это надо было смотреть на проекцию!.. Спирали раскручивались, захлёстывая друг дружку цепочками, и вновь переплетались сегментами на первом этапе совместной репликации.

— Загляни в себя. Я покажу, эт-жанди... Мерхат хад, хаддар амерран лин, а зух силвидирр архан... Рамаджь сиридах авь-хьин...

Рифмы пропитывали кожу, бойко разносились кровью, проникали в каждую клеточку. Будоражили и увлекали. И ничего более завораживающего ранее Женя не испытывала... Талех передавал ей гены, отвечающие за генетическое зрение. Она растворялась в звучании, а цепочки бешено извивались и множились в ритме

линдрийской тamarги, подобной
латиноамериканскому танцу...

Женька забылась в плену образов и
вскрикнула от неожиданности — Талех
чувствительно прикусил ей мочку уха, шепча
любовный стих и раскачиваясь в такт. Пальцы
джамрану скользнули в прорези одежды,
настойчиво коснулись изгибов и прочертили
замысловатые узоры на разомлевшей коже.
Женькины цепочки покрылись сетью звёздочек,
засияли и доверчиво прильнули к талеховым. ДНК
джамрану с готовностью нанизала их на
репликационные вилки, увязывая и встраивая в
общую матрицу, прежде чем совершить
элонгацию...

«Э! — вдруг опомнилась Женя. — Так от
меня ничего не останется! Дудки тебе! Без борьбы
не дамся!»

И полагая, что достаточно усыпила
бдительность Талеха, обвила его руками за шею и,
оттолкнувшись от подиума, перекатилась вместе с
ним и торжествующе оседлала. Избранник
подозрительно не сопротивлялся, а наоборот истово
помогал ей... Женька с удовольствием запустила
ладони в густую джамранскую шевелюру и больно
дёрнула за шелковистые пряди.

— Фе-кхи*! — воскликнул он и стиснул её
талию четырьмя фалангами, будто клешнями.

— Соу двидарди*! — коварно парировала она, импровизируя на ходу. — Кех-на л-лаш тарди...

— Рид-жи, эт-жанди... ххар-джи... — уверенно подхватил Талех, усиливая отдачу и агрессивно заполняя удлиняющиеся цепочки трансдуктивными генами...

Рванулся с ложа, легко удерживая избранницу навесу. Стекланный купол опрокинулся всего на миг, и они вновь очутились лицом к лицу... Сидя на подиуме. Талех стиснул Женьку в объятиях, вминаясь каждым окрепшим мускулом в податливое тело землянки. Зато мышечные рельефы джамрану стали жёстче, почти как у джамма или гатрака... Внутри танцующих спиралей, где их разделяла лишь тонкая ткань, Женя оказалась целиком в его власти.

— Эт-жанди... — шептал он, насаживая её на себя мощными, пробирающими до озноба толчками, усиливая и продлевая генетическую сцепку.

Все брачные стишки, что Женька выучила с Сандером, мгновенно улетучились из головы, а рифмы кончились... Осталось одно желание — подчиниться... Немедленно! Упиваясь этими ощущениями до бесконечности, до искр в глазах...

«Нет! — исступлённо думала она. — Да! Да! Да!»

Вот он — триумф доминанта!

«Власть бывает сладкой», — когда-то говорил Талех.

И Женька увязала в ней, как в сладкой вате... Но не липкой, а мягкой и надёжной. Её затягивало всё глубже и глубже. А после началось упоительное восхождение по чудесной полинуклеотидной лестнице к сопредельным вершинам... Женя и не собиралась возвращаться, пока не запуталась в пугающей тёмной цепочке, похожей на колючую проволоку...

«ДНК гатрака!»

Чёрные и серо-зелёные сегменты беспрерывно перекручивались, множились жгутами и картировались внутри джаммовых цепочек, искажая базовый геном джамрану...

Женя мигом вспомнила, что это поединок, а не дискотека.

«Надо ж бороться...».

И сразу запаниковала. Ей мнилось, что битва уже проиграна, из-за нехватки опыта в таких сражениях.

«Поздновато спохватилась!»

Джамрану живут с этим. Чтобы в полной мере управлять обменом, надо родиться джамрану. А она — землянка. И вряд ли способна противостоять.

Женя попыталась освободиться и застыла в нерешительности, вспомнив, что слабость и страх равносильны поражению.

«Но если взбунтоваться и оттолкнуть Талеха... Это провал! Что делать?!»

— Аррэно*, — ободряющий шёпот и ласковое поглаживание кончиками пальцев вдоль позвоночника.

— Что?

— Аррэно, — напомнил Талех, замирая вместе с ней.

«Он мне подсказывает?!»

Это сбивало с толку. Женька заподозрила бы подвох, если бы не... Рифмы! То есть, напрямую — физически конечно не может, но с помощью джамранских стихов... Не это ли ей втолковывал Сандер весь прошедший год? Выходит, она совсем потеряла голову...

«Я смогу!»

Талех посчитал, что поблажек с неё достаточно, передышка закончена и вернул Женю на ложе, чередуя неумолимые вторжения с пылкими поцелуями.

— Рахх-тивар аннор сонорих! — звонко сорвалось с губ в многоцветную тишину...

Никто не шумел, кроме дуэлянтов на брачном ложе. Ни одного шепотка или даже шороха. Опекуны знали — посторонние звуки угрожают супружескому геному на уровне репликации. Могут нарушить картирование и помешать естественному течению процесса. Или же нечаянно переломить

ход поединка. Поэтому зрители и судьи молчали, дабы ненароком не вмешаться и не воздействовать на ритмику брачного стиха. А через это и на синтез...

Женя уловила стук метронома, удивилась, а после сообразила, что слушает сердце Талеха. Словно размеренное тиканье ДНК-двигателя Рэпсида, как в день присяги перед вылетом... Как давно это было!

— ... Лод-азэро аррхоноррих... — нескладно, но зато в рифму.

Джамранские геномы-захватчики резко перестали делиться внутри земной ДНК.

«Сработало!»

— Рахх-элджа! Эр-хорим дарх эннорим. Рахх-элджа! — поэтический выпад Талеха всё вернул на круги своя. Вернее, на спирали... С явным преимуществом джамранских репликаонов.

— Я не должен поддаваться тебе, — веско произнёс он. — Это против всех правил.

Ей почудилось, или в голосе избранника таки прозвучало беспокойство?

— Соберись... А иначе, не устоишь.

И Талех выпустил хлыст...

— Ку-хиро*! — возмутилась Женька. — Запрещённый приём.

— Не совсем, — не похоже было, чтобы он упивался превосходством. — Особенности

генокода — разрешённое преимущество.

И хлыст отправился гулять по сокровенным местечкам, бесовестно щекоча и дразня землянку... Хотелось кричать, умоляя о генетической разрядке-вспышке, то есть, терминации совместной репликации, которой по ощущениям не было равных! Как уверял Сандер... Вместо этого Женья изо всех сил зажмурилась и тяжело дышала сквозь стиснутые зубы, то силясь оттолкнуть, то порываясь обнять.

— Женья! Аи-но ри эзорах... Связь уже не прервать... Афоро!

Талех сжал ей ладонями виски, вынуждая открыть глаза и посмотреть на него. Она взглянула с опаской, втайне страшась увидеть джамма. Но джамрану казался прежним, только зрачки расширились и мерцали, целиком поглотив янтарную радужку... Да чуть-чуть золотом окрасились белки. Смотрел он сурово, и говорил странные вещи:

— Если сейчас подчинишься доминанту, потом у тебя не будет шансов... Это не пустой звук. Связь генетически обусловлена и скрепляется в момент первой совместной репликации. Пока кристалл формируется... Сейчас или никогда! Пока не поздно... Сейчас! Иначе...

Талех приблизил губы к самому её уху и зашептал, нежно перебирая пальцами мокрые у

висков завитки... А хлыст тем временем изощрялся отдельно от джамрану, и генетическая отдача становилась просто невыносимой... Женя до слёз жаждала, чтобы он заново реплицировал каждый участок ДНК, завершил обмен и довёл до конца элонгацию. И они бы вместе наслаждались суперспирализацией, достигнув пика терминации...

Следующая фраза безжалостно отрезвила её:

— Иначе... Глубокий генетический контроль. Наследие джаммов. Твой геном окажется в моей власти. Я испытаю на тебе все генетические средства, какие только не запрещены, а ты не сможешь этому воспротивиться. Рецессиву предписано подчинение. Он генетически лишается права использовать антигены или защитные геномы против доминанта и агрессивные тоже. Я буду полностью контролировать обмен и регулировать употребление ДНК-препаратов. Твои генокоды окажутся в моём распоряжении, изменяясь ради моего удовольствия. И ты станешь с радостью соглашаться. Потому что рецессивы не отказывают, с упоением и смирением убажывая доминанта. Только так они сами испытывают удовлетворение. Если я захочу, чтобы ты стала зелёной, в крапинку или обзавелась хвостом, и не одним, то...

Женька негодовала и отказывалась в это верить. А по глазам Талеха невозможно было определить — смеётся он или нет...

Инопланетянин! Внеземной разум и чужая негуманоидная логика... Хотя с виду вполне себе гуманоид.

— Я землянка! — возразила она. — На меня ваши геноштучки не действуют.

— Подействуют, — зловеще пообещал он. — Полная комплементарная репликация изменит тебя... Когда победит доминант.

«Зачем он всё это мне рассказывает? — поспешно соображала Женька. — Чего добивается? Запугивает? Неужели? Бред! Если только...

Догадка зародилась подспудно, вырвалась и ошеломила. Как раз в тот самый момент, когда он так красочно расписывал все прелести генетического подчинения...

— Тар-хон! Виджух! Эри! — выкрикнула Женька. — Вер-хон дьюух соэри!

Хлыст потихоньку уполз и спрятался в ладони избранника. А избранницу наградили поцелуем в щёку, как бы подтверждая, что она на верном пути.

— Вер-хон дьюух соэри! — повторила землянка довольная успехом. — Эннори...

И чуть не поперхнулась собственным стишком. Талех каверзно заглушил Женькины рифмы дерзким поцелуем... Внезапно отпустил её и зажал уши... Арену огласил... Звук! Вибрирующий и низкий. Он шёл отовсюду, и от него хотелось сбежать... Женька искала глазами

источник. Безрезультатно. Хотя вибрации исходили откуда-то поблизости.

Что-то явно было не так... Джамрану подскочили со своих мест. Звук расходился, вибрируя низкими тягучими нотами и отдаваясь нытьём в затылке. Беспорядочно колотил воздух, вызывая в дыхании диссонанс.

Опекуны в амфитеатре забегали, перекрикивая друг друга. И Жене передалось их беспокойство... Вроде бы Каример скрылся вон за той дверью с табличкой «Экстренно»... Сандер! Она перехватила тревожный взгляд наставника, и он тоже куда-то умчался... А к ложу подступили охранники-джаммы...

Женька пожалела о берушах, которыми не запаслась. В брачном одеянии не предусматривалось карманов, и ничего не разрешалось проносить с собой... Она повернулась к Талеху, чтобы сказать об этом, и слова застряли у неё в глотке. Испуганно глядя на джамрану Евгения поняла, что никакие беруши тут не помогут.

С Талехом что-то творилось. Что-то до ужаса неправильное. И даже не в шипах, остриями прорвавших ткань, и не в гатрацких иглах, отросших вместо волос. Противоестественно выглядело одеяние, выкрашенное бордовыми разводами джамранской крови. Тонкими ручейками кровь струилась из прорезей, сопровождая

трансформацию... Это — неправильно!

Но её избранник страдал от нестерпимой боли. Женька обомлела от страха, видя, как черты джамрану исказила мучительная гримаса. Он пытался сосредоточиться и контролировать изменения, а на проекции ДНК гены стремительно деградировали и разрушались. Талех едва справлялся. Только цепочки гатрака помогали удерживать геном джамма от полного распада...

Почему? Почему этот ненормальный звук действует исключительно на ДНК Талеха? А прочим джамрану только на нервы...

Один из охранников приблизился к подиуму... Навстречу ему метнулся хлыст и оставил отчётливый след на броне джамма... Тот отлетел аж к зрительским рядам и упал, согнувшись пополам! Ведь хлысты джаммогатрака — как гибкая металлическая проволока... Другой хлыст также далеко отшвырнул и второго охранника. Талех никого не подпускал к ложу, и только Женя ясно видела, что происходит. А командору делалось всё хуже.

Он с такой силой сжал её плечи, что Женька заорала от боли, выныривая из ступора. Талех немного ослабил хватку. Джамрану едва дышал, но держался, и каким-то чудом не переломал ей кости.

— Аф... форо, — прохрипел, не отводя от неё взгляда, будто силился что-то сказать глазами... —

Ас-саро...

Евгения заглянула в глубину звёздных зрачков, грозящих обратиться в чёрные дыры, и увидела там...

«Лео?!.. Лео!»

И тут же вспомнила! Народную мудрость: «клин клином вышибается»... А певец из неё никудышный, даже по земным меркам. Но едва она так подумала, как воображаемый Лео запел... Женька в отчаянии подхватила песню, выводя следом за ним неведомые слова... Хотя, слова были сейчас не так важны, главное — рифмы и музыка переплетённая с мелодикой стиха.

Пение захватило её целиком. Она вторила асаро, сперва робко, а затем всё увереннее, и песня набирала силу. Талех судорожно вздохнул, разжал руки и уронил голову ей на плечо, теряя сознание и наваливаясь всем телом... Но Женя словно не чувствовала тяжести и продолжала петь... До тех пор, пока звуки джамранской песни не перебили... Дискамертон! Теперь она знала, что устроило такой хаос в геноме её избранника....

Талех больше не задыхался, и не истекал кровью... А Женька не задавалась вопросом, откуда это взялось, когда брала слишком высокую или низкую для себя ноту, но голос призрачного асаро вёл её...

Звучание дискамертона плавно затихло...

Талех очнулся и дышал свободно. Иглы с шипами трансформировались обратно, кровь впиталась сквозь поры, оставив лишь рубиновые узоры на ритуальной ткани...

Опекуны так и застыли на ступеньках амфитеатра. Тут и там мелькали потрясённые физиономии: Каримера, Сандера, и много других ошарашенных лиц... Джамрану стояли, пока продолжалась Женькина песня... Мелодия не просто блокировала распад, но и восстановила повреждённые гены Талеха, замещая и синтезируя целые участки ДНК... Лео в последний раз улыбнулся из подсознания и пропал... Тогда и закончилась песня. А в спиралях джамрану и землянки, связанных, как и прежде, что-то неуловимо изменилось...

— Женья...

Талех стал прежним! Живой, вменяемый и невредимый. Он целовал её руки, плечи, щёки, глаза, подбирая губами выкатившиеся слезинки... Так Женька с удивлением обнаружила, что плачет.

— Эт-жанди... Любимая.

Он переплёл её пальцы со своими, соединив ладони, и так стремительно и жарко завершил обмен, что Женья рыдала от счастья, забыв о недавнем кошмаре. Страхи отступили, когда она, улыбаясь, смотрела в глаза любимому мужчине, радуясь, что это испытание наконец закончилось.

«Да какая разница! Доминант он или нет...».

Он поцеловал её и прилёг рядом, довольно улыбаясь. Женька вопросительно нахмурилась. Что теперь? Талех всё понял и загадочно указал вверх:

— Вот она — наша!

Женя взволнованно подняла взгляд и дыхание перехватило...

Высоко над ними в центре купола переливался генетический кристалл, состоящий из многомерных репликанов, образованных синтезом земной и джамранской ДНК. Грани периодически изменялись и делились. Реплисомы свободно перемещались в пределах кристалла, удлиняя и закручивая цепочки, приобретая новые свойства и фиксируя их вспышками терминаций...

Женя не разбиралась в брачных кристаллах, пусть и первичных, но интуитивно догадывалась, что это значит...

— Равноправие, — подтвердил Талех, — в единении. Полный комплементарный синтез в подвижном кристаллическом соединении равнозначных геномов.

«Кажется, нам пора в душ, — невпопад подумала Женя. — Остудить головы».

— Он такой красивый... Этот синтез.

— Разумеется. Он же наш, — невозмутимо ответил Талех и обнял Женьку покрепче.

Соединённые в проекции

суперспирализацией, они не торопились отрываться друг от друга в реальности... И было им всё равно, сколько джамрану на них смотрит...

— Сарх-кенох! — объявил Каример. — Джамруджанмарн* идхии*!

И гром внезапно грянул по-настоящему! Гром рукоплесканий. Оглушительно взорвался под самым куполом...

Женька вздрогнула и смутилась, недоумевая, почему опекуны аплодируют им стоя. И даже намного громче, чем команда Рэпсида после выхода из лабиринта.

«Закрепительный ритуал?»

— Они нас поженили! — рассмеялся Талех. — И пожелали счастья. Старое джамранское для «особого случая» всё ещё у тебя?

Примечание:

Афоро* — «обрати внимание», дословно: держи внимание, не отпускай внимание (сокращ., джамр., устойчивое сочетание).

Эт-жанди* — желанная.

О-варал* — избранница, а-варал* — избранник.

О* — артикль, выражающий мягкую превосходную постоянную степень женского рода.

А* — артикль, выражающий сильную

превосходную переменную степень мужского рода.

Фе-кхи* — равносильно восклицанию «Ах, так!».

Соу двидарди* — «так тебе и надо» (устойч. сочетание, приблизительное переносное знач.).
Прямое значение (дословно) — «обернётся стрелой».

Аррэнэ* — стих, рифма (укор. вариант).

Арра рэо хаэно — поэзия (полная версия).

Ку-хиро* — «чёрная дыра» (устойч. сочет.),
означает высшую степень коварства (джапр. переносн. знач.).

Джамруджанмарн* — временный статус единения, составленный из генометрик «а-джамммар» и «о-руджанн».

Идхии* — протяжённое множественное число.

Джамруджанмарн идхии** — противоречивая на первый взгляд речевая конструкция:

1. Временный статус, с потенциальным продолжением.

2. Преобразуемый в перспективе.

3. Принадлежность, дающая право на продолжение рода с перспективой присвоения общей постоянной генометрики.

Звёздная дата — 1.2. Камертоны и

бумеранги

1.2.1. — Оружие хаоса

После всего, в опекунской среде пошли разговоры. В частности, «почему такой доминант как Талех Киэрен А-Джаммар признал генетической ровней землянку — по определению рецессивную».

Вот так и зарождались легенды...

Позже, пересуды достигли ушей Талеха и Жени, но в ближайшие дни и ночи им было не до того. Впрочем, и потом Женька отнеслась к толкам равнодушно. Пусть говорят, она — в танке. Талеху хватало и других забот. Например, переловить всех брачных террористов и обеспечить семье безопасность. Но, сначала... Супругов ждали приятные обязанности... Они бурно навёрстывали упущенное, уединившись в загородной резиденции Каримера.

Сандер с искренним пониманием, истинно по-джамрански, поздравил новобрачных и улетел на Рахтор. Отдых, по его словам, закончился, и начиналась работа.

«Нехило отдыхают джамрану, — рассуждала Евгения, когда они прощались. — Путешествие к другим галактикам, приключения, мотание нервов подопечным... Экстремальной туризм у них

такой?»

— Но я ещё вернусь, — весело посулил Сандер. — Надо завершить изыскания на тему джамрано-землянских браков.

Кто не в курсе — это новая разновидность экстрима, называется джамраниада.

Морголина тоже вовремя испарилась. Наверняка собирала компромат и готовилась к очередному броску... Кобра!

Зато теперь никто не дефилировал по коридорам, хлопая ресницами; не заглядывал в комнаты без приглашения и не мешал погружаться в генелетас... И даже под музыку! По джамранским правилам ДНК-погружение длилось не менее четверти фазы — минимальное время необходимое для укрепления взаимности. Поэтому никто не беспокоил новобрачных. Пока командариум, ассоциация учёных и опекуны во главе с Каримером проводили расследование... Талех интенсивно демонстрировал Женьке возможности полного генетического обмена. И Женька в долгу не оставалась... Неожиданно выяснилось, что в единой генетической сцепке с землянкой Талех подолгу не зверел от музыки. То есть, не сразу превращался в суперзабоченного и вождедующего джаммогатрака, а постепенно... А это уже кое-что значило. Благодаря ДНК-кристаллу джамрану наслаждался обменом под чарующий хаддидж-ти*

без постоянного самоконтроля.

Женя бурно радовалась совместному открытию. А ещё, генетическое погружение чередовалось с морскими купаниями, вечерними прогулками в живописных впадинах, полётами над Серендалом и утренними посиделками за чаем со сладостями...

«В кои-то веки — отпуск!»

А старое джамранское они торжественно распили в день четвёртого этапа на пустующем мостике Рэпсида и там же провели «обряд единения».

— Всегда мечтал здесь...

Талех усадил Женьку на консоль запуска и пылко зашептал:

— И с тобой... Дии-мерех* эт-жанди...

Евгения могла поклясться, что кольцо на пальце мужа в тот момент так многозначительно посверкивало.

— И Рэпсиду это на пользу, — бесстыдно подмигнул капитан на её красноречиво намекающий взгляд.

Н-да, замужество начиналось чрезвычайно занимательно. Женя теперь не только подозревала. Она горячо верила! Что скучать им не придётся... Ммм... Будучи обнажённой на мостике, на виду у всего космоса... Ладно, экранных отражателей. Не суть важно. Зато в объятиях капитана и в та-аких...

Ракурсах!

В итоге, у Женьки едва хватило сил хихикая прошептать, прижавшись к сильному джамранскому плечу:

— Талех! Поклянись, что никто не узнает...

Она надеялась, что вокруг не установлены скрытые камеры, и андроиды стоят в альковах на подзарядке, а не планируют техосмотр рубки и верхней палубы.

— Конечно, эт-жанди... Я буду молчать...

И тут же коварно:

— Если... Мы немедленно продолжим. В отсеке между генератором гравитации и носовым щитом.

— О, «лучшее местечко*», — улыбнулась Женька. — Что-то не припомню такого на Рэпсиде.

— Устроим, — пообещал капитан. — И... Вперёд! Эр-со-эридхии*...

— Талех! Мечтать не вредно.

— Вредно перечить капитану.

— У нас равноправие!

— Бунт на корабле? Я всё ещё твой капитан...

И мы пока не пробовали... В моём...

— Кресле?

— Оптимистка! Было бы слишком просто...

Новобрачных не торопили. Однако наступил момент, когда они сами поняли — пора бы явиться миру в новом качестве. Вернее, закрепить

семейный статус официально. Процедура присвоения общей генометрики состоялась во Дворце Совета. Но прежде они встретились с Каримером для серьёзного разговора. Он сам прилетел за ними на личном вихтраке и пригласил в кабинет... А оттуда на просторный балкон, затенённый низкорослыми деревцами, растущими на широких перилах в керамических чашах.

Глава опекунов уселся в любимое кресло с чашкой мятного чая в руках, а новобрачные устроились напротив — на диванчике. Каример, жмурясь от удовольствия, отхлебнул глоток.

— Впервые присел за сегодня...

Лениво приоткрыл один глаз, затем второй. Испытующе посмотрел на встревоженную парочку и кивнул, знаменуя начало разговора.

— Обстоятельства прояснились, — сообщил он будничным голосом. — Во время четвёртого этапа зазвучал дисс-камертон и...

— Вот! — воскликнула Женька, подавшись вперёд. — Вот! Я знала! Не знаю откуда...

— От меня, — усмехнулся Талех.

— От него, — подтвердил Каример. — Ваша связь была настолько сильной, что...

— Ты передал это мне?

— Именно, — Талех нахмурился. — Оружие хаоса... Я не ошибся, но... Как это возможно? А если... То, зачем и кому понадобилось?

— Знаю! — осенило Женьку. — Морри — главная подозреваемая...

Советник поперхнулся чаем.

— Ой! Простите... — она зажала рот, покосилась на дядюшку опекунши, и пока тот откашливался, для равновесия добавила. — А Занден — второстепенный.

— Не пускайте меня в невесомость! — рассмеялся Каример.

«Держите меня семеро», — удручённо перевела Женька.

— А что?

Глава Совета умудрился разом, и отсмеяться, и допить чай. Отставил пустую чашку на столик, и в душе посмеиваясь над выходкой землянки, заметил:

— Сомневаюсь.

— Технически невозможно, — задумчиво добавил Талех.

Женя вздохнула и принюхалась. Деревья так ароматно запахли! Вдруг...

«Ну что за мир? То камертоны звучат самопроизвольно, то деревья благоухают спонтанно...».

— Озонирующие кахани, — пояснил Каример, перехватив её взгляд.

«И?.. Всё? Понятно...».

Хотя, сейчас Женьку больше занимал бровок

камертон, а не балконная флора... Или фауна. Деревья подозрительно зашевелились...

Без ветра?!

«Там кто-то живёт, наверное», — успокоила себя Женя.

— Итак, — напомнил Талех. — Камертон хаоса... Неужели кто-то...

— Не кто-то, а что-то, — глубокомысленно поправил Каример.

— Да объясните мне, наконец! — не вытерпела Евгения. — Что за... дискамертон такой? Хаоса.

— Древнее оружие реформистов против асаро, — ответил Талех.

— А?.. Э! Почему же они тогда бежали?

— Сперва они сражались, — мрачно возразил Талех.

«Так и всплывают шокирующие подробности о «белых пушистиках»!»

— Недолго, — уточнил Каример. — Дисс-камертон убил всего лишь тридцать воинов. Остальные выработали защитную частоту и нейтрализовали звук пением. Затем выяснилось, что тридцатью пожертвовали, чтобы настроить кристаллы.

— Оружие себя не оправдало, — подтвердил Талех, — и его законсервировали.

— Зачем? В смысле, почему не уничтожили?

— Камертон содержит тёмную энергию. Если попытаться его аннигилировать, то в процессе распада он войдёт в резонанс с распылителем и...

— Последствия непредсказуемы, — подхватил Каример.

«Кирдык всем!» — перевела Женька.

— Наши предки решили, что разумнее его законсервировать. Теперь дисс-камертон находится в секретном хранилище Серендала.

— То есть... — Женя медленно покрылась гусиной кожей, перебирая в уме самые крепкие галактические ругательства, — мы сидим на чёртовой звуковой воронке? Хорошенькое дело!

— Ни в коем случае! — запротестовал Глава. — Чтобы активировать камертон, нужен пространственный резонатор, посылающий определённые энергетические вибрации. Его-то и уничтожили. А более никакое устройство не может воздействовать на оружие хаоса...

— Ага, вынули чеку из гранаты и счастливы! Мило... Проходили уже! Хочу некоторым напомнить. Что едва не случилось на станции два цикла назад? — Женя выразительно посмотрела на Талеха и требовательно на Каримера. — И не подскажите ли мне, что это недавно было? Во время брачного ритуала. Что?! Я вас спрашиваю...

Н-да, Женька давно убедилась, что давить на совесть джамрану абсолютно бессмысленно. У них

её просто нет... Скончалась! В результате генетических опытов.

— Кто же полагал, — пожал плечами Каример, наливая себе ещё чайку из термочайничка, — что во вселенной найдётся сила, способная управлять оружием хаоса...

— Да-а?! — Женя кипела от возмущения. — А вам не приходило в голову, что всё гораздо проще? И прозаичнее... Что если кто-то вновь собрал этот ваш... Резонатор!

— Исключено, — советник не торопясь цедил чай. — Тайна резонатора сгинула вместе с изобретателем.

— Давно известный факт, — поддержал версию Талех. — Учёные пробовали воссоздать... Безуспешно.

— Что же тогда случилось?

— Пространственная аномалия, — предположил командор.

— Скорее всего, что-то глобальное... — на минуту забыв о чае, вымолвил Каример. — И отразилось на объектах в масштабах космоса... Особенно в районе ипсилон квадранта и прилегающих к нему областях.

Глава опекунов поставил чашку, вытащил из нагрудного кармана ультратонкий планшет величиной с ладонь и протянул Талеху.

— Здесь сводки данных из планетарных

астрономических лабораторий и с космической научной базы, за ближайший период.

Талех медленно погладил торец. Над затемнённой поверхностью возникли голографические столбики цифр, таблицы и координатные сетки. Женька в этом не разбиралась, а командор что-то высчитал и нахмурился:

— Только за одни астрономические сутки... Протонные бури, вспышки на Дельфе, фотонный шторм, резкое возрастание магнитных излучений по всему квадранту, выброс протуберанцев красного гиганта Пропиуса... Туманность пульсировала несколько часов! Все, кто загорал на Ролдоне получили критическую дозу облучения... По статистике это превысило обычную норму за полцикла... — констатировал Талех и философски добавил:

— Что ж. Главное, никто не умер... от этого.

— Это пока, — пророчески изрекла Женька.

— И далеко не всё, — заметил Каример. —

Спектрографический анализ шлейфов туманности выявил направленное возмущение именно в секторе Ардиума.

— Источник?

— Неизвестен. Приборы зафиксировали только локацию очага. А что это и откуда оно взялось... Никаких данных. Известно только, что всплеск был коротким и произошёл незадолго до

вашего брачного ритуала. Волны как раз успели докатиться.

— Странно, что так быстро...

— Вот и нам странно...

— Э-эй! — не выдержала Женька. — А вдруг эта...э-э... аномалия циклична? Что если всё повторится? Примите меры, пожалуйста!.. Ну, оберните этот ваш камертон фольгой, что ли...

Джамрану переглянулись.

— Меры давно принимаются, — кивнул советник. — Хотя сам по себе дисс-камертон для нас не опасен...

— Как же! — скептически фыркнула Женя. — Видела я, как он «не опасен».

И хмуро посмотрела на мужа, который как ни в чём не бывало разглядывал деревца.

— Все на Серендале слышали звук, но никто не пострадал, — заметил Каример. — Кроме Талеха...

«Да уж! Печально, но факт. Плохо стало лишь Талеху».

— Иными словами, дисс-камертон настроен только на асаро.

— Не вижу связи. Талех — не асаро.

— Нет, — вздохнул командор, — но... Помнишь я рассказывал, как нео делали из меня воина.

Женя кивнула.

Разве такое забудешь! И, кажется, она догадывалась, но концы по-прежнему не сходились с концами...

— Мне внедрили адаптивные генокоды асаро, чтобы не отторгались гены гатрака. Неотрадиционалистское изобретение. На эти генокоды и воздействовал дисс-камертон...

— А как же защитная частота?

— Наличие элементов генома не обуславливает способностей асаро.

— Да! — восторгнулся Каример. — А теперь объясните мне, что там произошло. Почему Ева запела как асаро и нейтрализовала камертон?

— Я видела Лео! — выпалила Женька, не боясь, что её сочтут сумасшедшей. Это же Серендал, а не Земля.

— Гм... Это тот самый асаро? — уточнил Глава опекунов, и Талех кивнул в ответ.

— Тот, что шагнул в сингулярность?

— Да.

— Может и я туда шагнула? — пробормотала Женя. — Или от страха глюки обострились?.. А откуда вы...

— Телепатический контакт, — напомнил Каример, — перед четвертым этапом. Но это один вопрос. Другой: почему на брачном ложе тебе привиделся этот Лео? И повлиял на твой геном...

«Ключевые слова — «на брачном ложе»,

«почему» или «Лео»?»

Женька развела руками.

— Откуда я знаю? Мистика! Или... Генетический фантом! Есть такие? Протянул руку помощи из параллельной вселенной. Ежели таковая существует...

Талех улыбнулся.

— Никакой мистики и ничего сверхъестественного. Элементарная предусмотрительность. Прежде чем отправиться к зонду, Лео передал мне часть кристаллов с молекулами ДНК, которые встроились в резервные матрицы моего генотипа. И мне удалось частично активировать защитные механизмы.

Женя с пониманием воззрилась на него.

— Да-да. Остальное сделала ты. Я запустил их через тебя, как наиболее вменяемую из нас, на тот момент... И ты справилась, — с гордостью заключил муж.

— Я так польщена, — буркнула Женька. — Спасибо за доверие. Но дудки ты теперь полетишь на Серендал без меня.

Талех улыбнулся.

— Насчёт этого не беспокойтесь, — заверил супругов Каример. — Дисс-камертон скоро транспортируют отсюда — в туманность Циклопа. Тёмная субстанция погасит волны, если что.

— Спасибо, успокоили... А что с аномалией?

Нам же возвращаться на Ролдон-2.

— Пока никаких признаков, — задумчиво ответил Каример. — Учёные над этим работают. На передвижной научно-исследовательской базе... Звездолёт МПИГ БК-3 в ближайшее время прибудет на станцию.

— Мы их там встретим, — пообещал Талех.

«А меня устраивает будущее, где космические просторы бороздят не военные базы, а научные», — решила Женька.

— Благодарю за вкусный чай.

«Ага, — Евгения знала обычаи. — Если бы джамрану не понравился чай, то он бы и не поблагодарил».

— Нам пора.

Глава опекунов поднялся с кресла и спросил:

— Вы готовы скрепить брачные узы генометрикой? Окончательно...

«А до этого было не окончательно? — удивилась Женя. — По-моему, очень даже, хм, «окончательно».

— И уже навсегда.

«Ба-атюшки, — мысленно простонала Женька. — Во, я промоталась!»

Выходит, путь к отступлению всё же был и после четвёртого этапа?

— Вам давали треть фазы на размышления. Транспорт на взлётной террасе.

— Готовы, — Талех ответил за двоих, задумчиво взирая на Еву.

Она хотела ответить ему многообещающим взглядом, но деревца на перилах подозрительно зашуршали. И Женя покосилась туда. Определённо, в кривоватых ветвях притаился Змей-искуситель... Или два...

— Не обращайтесь внимания, — Каример махнул рукой. — Они вас не тронут. Это адаптированные образцы с Шакрениона, скрещенные с декоративной турмалиной-кахани. Служат вместо кондиционера. Очень экологично.

«Извержены! — напоследок подумала Женя. — Не, не так... Селекциоизвранеры!»

Примечание:

Хаддидж-ти* — мягкий джамранский рок.

Дословный перевод — «мелодия звёзд» (укор. версия).

Хаддар, хад — звезда; Тиале — мелодия, музыка; иж — нота, звук, идх-иж — протяжные звуки (буквально).

Тиале хаддаре идх-иж — полный вариант (это выражение часто используется в джамранской поэзии).

Дии-мерех* — постоянный генетический партнёр, супруг(а).

Эр-со-эридхии* — «до бесконечности» (устойч. выражение. сокращ.). Дословный перевод — «сейчас обернётся бесконечностью».

Эр — сейчас; со, соу — обернуться, обернётся, превратиться, превратится.

Идхии — протяжённость множественного числа, в данном контексте грамматическая конструкция меняется на протяжённую множественность в бесконечности — эридхии.

«Лучшее местечко*» — Женя имела в виду единственное место на звездолёте, где сохраняется невесомость, заимствовав определение из сериала «Звёздный путь» — «Энтерпрайз».

1.2.2. — Как аукнется...

«Оставь надежду всяк сюда входящий».

— А туда обязательно входить? — Женя с опаской заглянула в круглую комнату с мерцающим зигзагообразным рельефом на стенах. Свод потолка сужался и терялся во мраке. А через треугольные окошки, разбросанные по периметру, лился радужный свет и колебался разноцветными полосами, чередуя пятна и тени...

— Обязательно, — ответил Каример. — Это камера центрального геносканера.

«Очередная джамранская пыточная? Или аттракцион?»

— У нас же взяли генетические пробы, — напомнила Женька, на всякий случай.

— Предварительные. Да... И внесли в матрицу ДНК-контроллера. Для составления генометрики их обработают вкупе с оценкой непосредственных генетических реакций.

Н-да, уж... Евгения иначе это себе представляла: толпа генетиков с микроскопами решают вопрос голосованием за круглым (или треугольным*) столом... А всё оказывается давно кибернезировано!

— Что ж, я первый, — вздохнул Талех и шагнул внутрь.

Тотчас же из стены выдвинулось мягкое сиденье. И больше ничего страшного не произошло. Тогда вошла Женька, и выдвинулось второе, по логике вещей, как ожидаемый результат.

«Приятно осознавать, что в чём-то джамрану всё-таки предсказуемы», — удовлетворённо отметила она.

— А теперь, — Каример продолжил инструктаж на пороге, — сидите и разговаривайте. Никто вас не подслушивает. Приборы отмечают лишь генометрические показатели. Вставайте, ходите, но не прикасайтесь друг другу. Обмен в камере не допускается. Чтобы не возникло помех.

— О чём разговаривать? — спросила Женька, дабы снова что-нибудь не нарушить.

— О чём угодно... Обычно супруги делятся впечатлениями от генелетаса...

Талех мимолётно улыбнулся.

— Высказывают претензии или доверяют сокровенное, — Каример задумчиво прищурился. — То, что утаили до скрепления уз...

«Ага! Здравствуйте, страшные тайны! И, прощайте...».

— Может быть, принять таблетку? — подстраховалась Евгения. — Действие блокиратора закончилось. Хотя, я и так говорю по-джамрански.

Каример снисходительно улыбнулся.

— Язык не важен. Ты — землянка и твоя генометрика всё равно иная. А блокирующие препараты здесь нежелательны...

Каример отступил назад и закрыл раздвижную дверь, прикоснувшись к наружному индикатору. Супруги остались одни. Талех молчал, разглядывая зигзаги на стенах...

«Надо что-нибудь сказать», — забеспокоилась Женя. И сказала:

— Ну, говори.

— Что? — удивился Талех.

— Какие у тебя претензии...

— Никаких, — рассмеялся он.

«Так, наводящие вопросы...».

— Совсем никаких?

— Совсем... А у тебя?

«Коварный джамрану! Ловко перевёл стрелки».

Женя резко сменила тактику. И стратегию заодно.

— У меня есть... Одна.

— Да? — Талех приподнял бровь. — Всего одна?

— Вернее, одно, — поспешно уточнила Женька. — Признание.

— Даже так, — Талех сел поудобнее и приготовился слушать. — Так-так.

— Э... Пока мы не до конца поженились...

Брови командора-мужа поползли выше

— ... Признаюсь, что сомневалась в тебе. Считала, что ты хочешь победить и доминировать.

— Я и хотел, — теперь командор и бровью не повёл.

«Ой!»

— Вернее, хотела часть меня. Генетически. Как доминант. Но... Как любящий и понимающий мужчина, я стремился к равноправию.

«О, как...».

— Мне стыдно, — она вздохнула. — Я переживаю.

— Я тоже признаюсь... Это меня расстроило, немного. Весь третий этап мы путешествовали вместе. Столько всего пережили. И потом, репетиции. Как ты сразу не догадалась?

— Ну, ты и... — Евгения даже растерялась, но быстро нашлась. — Ты же был моим капитаном! Приказывал, а я подчинялась... И тогда, в парке...

Он слегка нахмурился.

— Нет! Мне конечно понравилось...

Талех еле сдержал улыбку.

— Хотя бы подал мне знак!

— Знаков было столько... Всего лишь покричать осталось.

— Да-да, понимаю, ты не мог говорить открыто. Правила, и всё такое... И до нельзя, и после... И когда это мы соблюдали правила?

Уголки мягко очерченных губ дрогнули, но лицо Талеха казалось невозмутимым.

— А что? Шепнул бы мне на ушко, прямо на подиуме. Я же не телепатка, в отличие от тебя. А по твоему поведению шиш догадаешься...

— К гатраку правила! — бросил Талех.

— Тогда почему?

— Дело не в законах, а в обязательствах. Озвученные намерения выражают обещания*.

— И?

«Трудно пообещать, что ли?»

Он вскочил и прошёлся по камере, пересекая световые полосы, и остановился против окошка.

— Недопустимо обещать то, в чём не уверен.

Талех сосредоточенно уставился на радужное стекло, будто силился что-то разглядеть за ним и

раздражённо запустил пальцы в шевелюру.

— Желания джамма подчас непредсказуемы и неуправляемы. Им только дай волю, и они возьмут верх над принципами и чувствами. Иногда так сложно удержать джамма в себе. Особенно во время брачного ритуала, а, значит, полного слияния генотипов и совместной репликации... Особенно... Искушение слишком велико.

— Но ты победил его, — возразила Женя. — Ты всегда побеждал...

— Нет... Базовый геном джамрану чересчур силён и своенравен. Джамрану учатся обуздывать его постепенно. Когда-то, моими поступками управлял джамм. Но есть и ещё кое-что... Я, прежде всего, сын своего отца...

— Ты — это, прежде всего, ты!

— Конечно. Но у меня его гены.

Талех отвернулся от окна, улыбнулся жене и сел.

— Во мне живёт зверь и пострашнее...

— Дракон? — хмыкнула Евгения.

— Джаммогатрак!..

Талех выдержал минутную паузу, поймал Женькин настороженный взгляд и рискнул.

— Я расскажу тебе, пока мы здесь. Итак... Мой отец — Литен Маэль...

— *Литен Маэль А-Джаммар!*

Он любил звук её голоса, зовущего по имени. Обожал этот блеск в глазах и залиvistый смех... Чувствовал гены избранницы, стоило ей появиться поблизости. И с замиранием сердца ждал...

Ветры сегодня просто взбесились. Разгулявшись на верхнем ярусе пирамиды, жестоко трепали одежду и сражались с джамранскими шевелюрами. В результате этой борьбы несколько ярких прядок упали джамрану на лоб и закрутились спиралями... ДНК! Женщина восхищённо остановилась...

«Как он хорош!»

Она мечтала ощутить на губах его гены... Он желал погрузиться в ДНК избранницы целиком.

«Скоро! Уже скоро».

Они стояли на лестнице, ведущей к взлётной площадке. И смотрели. Джамранка опомнилась первой.

— Литен, пора...

И протянула руку. Ветер сорвал прозрачный шарфик с плеч и унёс далеко-далеко. Мужчина не успел поймать.

— Оставь, — она рассмеялась. — Нас ждут... Подожди!

— Что?

— Прежде хочу убедиться. Мы ведь договорились?

— Я помню, — сдержанно ответил он. —

Никто ничего не заподозрит.

— Надеюсь, мы столько раз репетировали, — она улыбнулась и прикоснулась к нему, лишь на мгновение. — У нас всё получится... К гатраку правила!

Он вдруг испугался. Она выглядела сильнее, смелее и увереннее его. А что если...

— Я люблю тебя, милый... — слова заглушил порыв ветра. — Помни.

Легко пренебречь правилами. Однако...

— Я помню, Кэриделла Ренирр, — ответил он, наслаждаясь звуками её имени, что отзывались в генах приятным теплом и лёгкой дрожью...

— Я люблю тебя...

Она! Сильная, прекрасная, порывистая и неутомимая... Ему не сложно выполнить обещание. Но, что если, передумает она? Он никогда не смирится...

— Литен?

— Даю слово, Кэри...

— Кэриделла Ренирр О-Руджанн — моя мать, — тепло произнёс Талех. — Непревзойденный доминант! Как и отец... Точнее, была им, пока...

— Что ты наделал?! — Кэри бросала обвинения ему в лицо, словно горячие камни.

И лучше бы камни! Слова жгли больнее.

— Зачем? За что?! Почему, Литен...

Глаза заблестели от слёз. Сердце мужчины сжалось, но лишь на секунду.

— Не мог иначе, — глухо ответил Литен и виновато понурился, но в душе угрюмо торжествовал. — Ты вправе отказаться от брака, пока не поздно. До генелетаса или регистрации... Я пойму...

— Дурак! — выкрикнула она, и слёзы заструились по щекам. — Нет! Ни за что не откажусь! Мы так долго к этому шли! Я люблю тебя, Литен Маэль! Люблю тебя!..

И горько прошептала:

— Больше, чем космос.

— Мы полетим туда вместе, — он улыбнулся, обнял её и принялся целовать, ощущая на губах привкус солёной горечи. — Я буду твоим капитаном. Теперь навсегда...

— Перед брачной церемонией они тайком договорились о равноправии, — продолжал Талех. — Но... Отец не справился со своим джаммом. Вернее, вдруг решил, что избранница подчинит его себе. И предпочёл мнимому поражению вероломство. А потом — будь, что будет.

— Так он обманул её?

— С изошрённым коварством. Она до последнего не подозревала... Ведь моя мать была сильнейшим доминантом и пошла на уступки, зная, как это важно для него, а отец воспользовался её лояльностью.

— Как всякий уважающий себя джамрану.

Наверное, это прозвучало как «мерзавец». Талех поморщился.

— Перестань...

— Конечно-конечно, ты же не такой...

— Разумеется, такой... Ты не ведаешь, что у джамма внутри.

— Ой-ой, давно знаю. Гатрак! При хорошем раскладе...

— Это далеко не всё, — нахмурился он, откидываясь спиной на стену.

Зигзаг тут же впился в лопатки, заставив выпрямиться.

— Хочешь узнать?

— Это угроза?

— Обещание.

— Хочу.

— Хорошо... — и вкрадчиво добавил. — Пеняй на себя.

Женя прерывисто вздохнула...

— Так что там с родителями?

— Всё непросто... Когда я узнал о вероломстве отца...

— А как?

— Спросил у него.

— Он так прямо тебе и ответил?

— У джамрану есть закон: если ребёнок приходит к родителю и задаёт вопрос о его прошлом, то родитель должен ответить честно, без колебаний, каким бы не был ответ.

— Надеюсь, на землянок это не распространяется, — пробормотала Женька.

— Что?

— Мало ли чего дитю в голову взбрeдёт. Вот и красней потом...

— «Краснеть», как принято у людей, будешь, когда ребёнок выяснит правду иным путём...

— Ладно. Но как ты узнал, о чём нужно спросить? Или просто из любопытства?

«Ну, вдруг, у джамрану принято спрашивать предков не «откуда дети берутся», а: «мам-пап, как прошёл четвёртый этап?»

— Нет. Сперва я кое-что услышал...

— *Мой сын рецессив? — Литен удивлённо свёл брови. — Ты уверен, Каример?*

— *Это предварительные тесты, ему всего девятнадцать циклов... Наверняка нельзя утверждать, но Талех четверть цикла как а-джаммар, и уже проявил себя в обмене, поэтому...*

— Не многословствуй*, Карим. Я понял. Мой сын — рецессив!.. Что ж... — Литен помешал чай фруктовой палочкой, отпил глоток, вдыхая аромат сада, смешанный с запахом воды.

Друзья сидели на террасе озёрного домика, на Рахторе, и вели неспешную беседу, о том, о сём...

— Что ж, для него это и к лучшему...

— О чём ты говоришь, дружище?! Характер Талеха...

— У него есть характер?.. У него и соперника-то до сих пор нет. Вот у меня в его возрасте... — Литен неопределённо махнул рукой. — Да что там! Никаких выдающихся заслуг! Ни одной медали! И минимум похвальных писем от преподавателей... А дома старается, чтобы его не замечали.

— Зря ты так, — Каример покачал головой, искренне переживая за Талеха. — Возможно, он горюет по Диреку.

— Не исключаю... Прошло пять циклов, а мне самому больно от воспоминаний, — он с минуту смотрел как опускается к лесу Ахирд*, подмигивая красным зрачком. — Дирек скорей всего вырос бы доминантом. А Талех... Мне непонятен.

— Не торопись с выводами. У Талеха лучшие результаты по ключевым тестам... Я наблюдал за ним. Видел, как он общается со сверстниками. Потенциально — он доминант.

— Ему придётся смириться, — пожал плечами Литен. — Всё решит брачный ритуал. Надеюсь, он встретит другого рецессива. Для Талеха предпочтительней равноправие.

— А если его потянет на доминанту? Это же... Генетическая катастрофа!

— Знаю. Пусть остаётся рецессивом. Иначе, последствия непредсказуемы... Он выпустит зверя и не сумеет удержать его. Но даже если обуздает... Никогда не будет счастлив. Потому что пожертвует личным счастьем ради доминирования.

— Ты говоришь о себе? — мягко ввернул Каример и рассмеялся при виде ошарашенной физиономии друга. — Не отпирайся! Я был твоим опекуном. Думаешь, вы могли что-то скрыть от меня?

— Это в прошлом. Мы счастливы. Кэри нравится, как я распоряжаюсь её генами. Ей хорошо со мной... Давай забудем этот разговор. Скоро придёт Талех.

А Талех стоял в кустах под террасой и отчётливо слышал каждое слово...

— Значит...

Женька испытывала неловкость от проникновения в чужую тайну. Хотя, семья Талеха теперь и её семья. Или у джамрану не так? А сам

Талех...

— Ты... — она не находила слов.

— Невзначай подслушанный разговор круто изменил мою жизнь. Я поклялся, что всё будет не так, как предрекал отец... Я не осуждал его. Но и не восхищался его коварством. И вообще, повёл себя нетипично для джамрану. Я не общался с ним десять лет. Виделся только с матерью и сёстрами, когда они прилетали на Серендал. Вероятно, виной этому генотип гатрака... Но я злился на отца. Из-за матери. До женитьбы она была капитаном. Управляла исследовательским кораблём. Как и отец... Так они и познакомились. Её звездолёт потерпел аварию, и он пришёл на помощь... Имя Кэриделлы Ренирр до сих пор помнят в джамранском флоте. Я гордился мамой, читая о её выдающихся заслугах и достижениях в исследованиях космоса. И ведь она понимала отца и не собиралась доминировать. Равноправие! Этого хотела мама. Об этом мечтала... Бок о бок покорять вселенную! — Талех сжал кулаки так, что суставы на пальцах хрустнули. — Литен Маэль убил мечту в полёте...

— Не поняла... — Женька похолодела от нехороших предчувствий.

— Подчинённый доминант становится рецессивом. Рецессив не может быть капитаном.

— Почему?

— По законам джамрану лишь доминант способен управлять кораблём через генетическую связь посредством кольца. Кольцо, по сути, признак доминанта.

— Погоди-погоди! — вскочила Женька и заметалась по камере.

Талех терпеливо ждал, пока она остановится.

— Вы с Сандером говорили, что характер генотипа не отражается на общественном статусе. Рецессивы занимаются всем, чем хотят и также добиваются успехов.

— Так и есть. Однако на капитанов это равенство не распространяется.

— Вы меня обманули! Джамрану.

— Ты же не претендовала на звездолёт, — Талех усмехнулся.

— А вдруг, — буркнула Женька и обиженно плюхнулась на сиденье, устав метаться. — Не надо решать за меня.

— Кто решает? В твоём распоряжении все земные корабли и ещё линдрийские, — рассмеялся Талех. — А джамранские тебе в любом случае противопоказаны. Земляне — типичные рецессивы по отношению к джамрану.

«Вот оно место, где собака окончательно закопалась!»

— Издеваешься, — Женька мстительно улыбнулась в ответ. — А ты сейчас кто?

— По-прежнему доминант, но... Признавший генетическое равноправие. У нас нестандартная ситуация.

— Так нечестно! Почему рецессив не может управлять кораблём? Чем он хуже?

— Ничем. Проблема в ДНК-двигателе. Джамранскому кораблю нужен генетически доминантный капитан. Зато много рецессивов штурманов, отличных пилотов, и даже старпомов, но не капитанов. Рецессиву открыты все пути. Кроме одного.

— Ладно, я поняла, не всем же быть капитанами. Что случилось с тобой? Как ты превратился в доминанта? И почему не хотел оставаться рецессивом?

— Я мечтал стать капитаном. Управлять собственным кораблём и путешествовать в другие галактики... А потом встретил Морголину. Она волновала. Её ДНК опьяняло и сводило с ума.

— Морри — доминант?

— Да. Это ощущалось во всём... И она выбрала меня. Но я не собирался ей подчиняться...

«Ага, я знала!»

— ... И давать призрачных надежд на равноправие. Тогда я решил, что буду доминантом, чего бы мне это не стоило. Именно в тот день, я позволил жить своему гатраку.

— Это как?

— Тот зверь, о котором говорил отец — джаммогатрак. ДНК гатрака совмещённая с адаптивными генокодами асаро в цепочках базового генома. Неактивный трансген, пока я оставался рецессивом. В генетической лаборатории Серендала неплохо поработали, нейтрализуя последствия опытов нео. Учёные блокировали признаки, запечатав и «усыпив» трансгены. Устранить их, к сожалению, было нельзя, не убив меня... Так уж случилось, что именно изменённые гены оказались доминантными. Чтобы остановить мутацию, их компенсировали рецессивными. Это меня и не устраивало. Первым делом я взломал защиту и запустил трансгены, чтобы усилить генотип. После целой фазы мучительных трансформаций, я получил хлыст... Дальше — больше. Трудно, больно, но я не сдавался, упорно освобождая своего доминанта, активизируя генокоды асаро, модифицируя ДНК. Это я умел! В превосходной степени...

— Из-за ДНК гатрака?

Талех кивнул.

— В том числе... Всего за полцикла я изменился, став доминантом. Вскоре у меня появился соперник.

— Занден?

— Он продержался дольше всех.

— Надо же...

— Вероятно, я унаследовал коварство отца. И многого добился, воздействуя на чужие гены, играючи. В рамках закона, естественно. Мне достаточно прикоснуться. Помнишь?

Женя кивнула.

«Наверняка Рокен был в курсе. Потому и предостерегал».

— Я хорошо зарекомендовал себя в военной школе. Меня заметили и предложили службу в комитете генетической безопасности. Я гордился своим статусом... Но капитаном корабля так тогда и не стал... Зато воевал. На передовой и в тени. Устраивал диверсии на гатракских астероидах. Терял и находил возлюбленных и друзей. И Морри... А потом выиграл станцию... Однако личного счастья это не принесло. Отец оказался прав — не стоило будить зверя. Как учёный он знал, о чём говорил.

— Учёный и капитан?

— Да, Литен Маэль А-Джаммар возглавил множество экспедиций.

— Мне казалось, учёные милые люди, — насупилась Женя.

— Ошибаешься. В джамранском обществе учёных следует опасаться в первую очередь.

— А я думала дипломатов...

— Дипломатов как раз после учёных... Но, мой отец — хороший человек. Достойный.

«В смысле, джамрану!», — вознегодовала Женька с непосредственностью землянки, поскольку негодование ярко выразилось у неё на лице. — Надо же... А Рокен и Гилех совсем не страшные».

Но вспомнив опыты Лауреллии над Миритином, решила благоразумно повременить с выводами.

— Так или иначе, — продолжал Талех. — Я видел, от чего пришлось отказаться матери, и не желал той же участи. И приложил все усилия. Мне сдавалось, что я победил, сумев обуздать своего джаммогатрака, но... Вскоре осознал, чего я лишился, что мне никогда уже не стать прежним... Но, природа требовала выхода. Как-то, ещё на военной службе, Занден показал мне, что можно делать с инопланетянками...

— Чего? — Женя насторожилась.

— Пойми, здесь свои тонкости... Обмен между генетическими партнёрами осуществляется без совместной репликации.

— Я знаю. Ты говорил. Только у супругов.

— Да. В противном случае недолго угодить и под трибунал. Но только если принудить к этому партнёра-джамрану.

— То есть... Если проделать то же самое с линдри или землянкой это ненаказуемо?

— Совершенно верно. И Занден этим

частенько пользовался.

— Вот гад!

Талех пожал плечами.

— Инопланетянка и не разберётся, что с ней происходит, в отличие от джамранки. Однажды мы с Занденом отправились на вечеринку в бар. Он всё подначивал меня и предлагал состязаться... Так я и познакомился с Соарой.

«Не буду его об этом спрашивать. Не буду!»

— И сожаления испарились. Я вновь соблазнял без оглядки, предвкушая полное и безраздельное доминирование. И Соаре это понравилось. Мне тоже...

«Нет, ну, что вы! Я не ревную, ни капельки... Гатрааак!!!».

— Но в какой-то момент я понял, что подобное не для меня. Хотя тогда это был единственный выход.

Женя вцепилась в сиденье, зажмурилась, проделала мысленное упражнение для ксенопсихологов. И убедилась, в очередной раз, что все эти методики полная... В голове упорно вертелся тот странный сон, что приснился ей в самом начале карьеры ксенопсихолога... Ева открыла глаза, и реальность оказалась не такой безнадёжной, а Талех неожиданно светло улыбнулся.

— Затем появилась ты... К тому времени я покончил со страстными обментами, любыми, и превратился в холодного и сурового командора. Опрометчиво, как выяснилось... Я даже не представлял, что меня ждёт. Твои реакции удивляли, возбуждали и забавляли. Доводили до крайности. Будоражили воображение. Я такое себе представлял... Однако по-настоящему меня накрыло, когда я понял... Мне гораздо интереснее дружить с тобой, чем обольщать тебя. Невзирая на искушение, я осознал главное, что единственный вариант брака, где мы оба будем счастливы — это равноправие. Доминанту джамму трудно это принять, но я люблю тебя и рад, что всё вышло именно так... Что скажешь?

Женя молчала.

— Кое в чём ты права. Так что скажешь? Теперь ты знаешь всё.

В голове резко опустело и похолодало...

— А как поживает твоя мама? Привыкла?

— Всё не так плохо. Вместе с отцом они исследовали космос. Он назначил её старпомом. Кроме того, мама — прирождённый пилот. Это у них наследственное, наверное. Нимрадиль тоже, но она рецессив. Обычно это рецессивы в юности склонны к бунтарству и неприятию обмена.

— И Рокен?

— Скорей всего.

— Значит, им повезло... — мысли путались и сбивались в комок, — друг с другом.

«А мне? Что ты мне ещё преподнесёшь, Талех Киэрен А-Джаммар?»

С другой стороны... Аж дух захватывало!

— Так что ты на это скажешь? — повторил он.

Ответить она не успела. Наверху вспыхнул свет. Дверь отъехала по кругу, и на пороге возник Каример.

— Поздравляю! — улыбнулся он. — Вам присвоена генометрика.

Примечание:

Треугольный стол* — собрание конгломерата. Озвученные намерения выражают обещания* — джамранская поговорка.

Не многословствуй* — джамранский речевой оборот.

Ахирд* — «эта» Кассиопеи, красивая двойная звезда, видимая в небольшой телескоп. Главная звезда желтый карлик, как и наше Солнце. Вторая звезда — красный карлик.

1.2.3. — Так и откликнется!

Обратно тоже летели на вихтраке Каримера.

Возвращались длинной дорогой. Талех попросил кормчего покружить над ночным Серендалом, чтобы насладиться полётом. Они пролетали высоко над огнями, любовались звёздами, а от порывов ветра их защищало поле гондолы.

Талех обнимал Женю, устроившись рядом на мягком сиденье. А Женя задумчиво вертела в руках кварцевую пирамидку. Сейчас пирамидка выглядела полупрозрачной с дымчато-сиреневым отблеском...

— *«Супружеская печать»*, — объяснил Каример, вручая фигурку.

В Женькиных ладонях она часто меняла цвет. От прикосновений Талеха неизменно темнела, принимая лёгкий золотистый оттенок.

— *«Может временно почернеть»*, — предупредил глава опекунов и, заметив недоумение землянки, обстоятельно разъяснил:

— *«Ничего страшного. В печати содержится генетическая история вашей семьи. Начиная с брачного ритуала...*

— *«То есть?»*

— *«Запись четвёртого этапа»*, — подсказал Талех.

— *«Как мило»*, — Женя постаралась улыбнуться и тут же решила никому это не показывать...

— *«В ДНК-прообразе»*, — успокоили её.

— «Постепенно там появятся и другие записи, по мере укрепления генетического кристалла».

— «Значит, мы теперь неразрывно связаны и всё такое?» — осторожно уточнила Женька, не зная радоваться ли подобной перспективе.

Кое-что Талех её рассказывал... О невозможности разрушить эту связь, пока оба супруга живы и нежелательности проникновения туда чуждых элементов.

— «Всё гораздо интереснее, — с улыбкой заверил Каример. — Кристалл набирает силу с каждым прожитым вместе днём. А чем крепче ваш союз, тем дольше вы сможете обходиться друг без друга. А любая разлука только усиливает связь...».

Евгению это понравилось! Она конечно и не думала часто разлучаться с Талехом, но и растворяться в нём не собиралась. Он тем более...

— О чём задумалась? — ласково спросил муж.

— Да так...

Женя разглядывала меняющиеся очертания в глубине пирамидки.

«Что же там внутри?»

Кристалл искрился ровными гранями в свете кормового фонарика. Совершенно гладкий... На первый взгляд.

— «Внутри находится ваша генометрика, — сказал Каример. — Троньте основание».

В кварцевом треугольнике проступили буквы. Джамранские...

— «Сами прочитаете?» — осведомился глава опекунов.

— «Сами», — кивнул Талех.

— «Давай ты», — смутилась Женя.

Разглядывая череду значков, она засомневалась, что сумеет правильно это произнести...

«Как это вообще можно выговорить?!»

— Женя?

— А? — она подняла глаза от пирамидки и встретилась взглядом с Талехом. — Что?

— Ты уже минуту пялишься на генометрику, дии-мерех... Хочешь теперь прочесть сама?

— Пожалуй, попробую, — вздохнула Женька.

Надо же, когда-нибудь...

— Брок... Не вышепчешь!

— Зачем шептать? — удивился её джамранский муж. — Кормчий в наушниках, тебя не услышит. И потом, привыкай к звучанию. Так к нам будут официально обращаться.

— Язык ломают!

— Разве? — Талех пожал плечами. — Он же без костей.

— Выражение такое, — буркнула Евгения.

— Смелее! — подтолкнул её Талех. —
Давай...

— Риэ *... — несмело выговорила Женя.

Первая часть словосочетания прозвучала относительно гладко...

— *«Эта часть одинакова у всех супружеских генометрик», — заметил Каример. — Означает брачную принадлежность. Остальное только ваше».*

— Риэ -Квиеза рхижь-ххардрэрда х.

«Да! Я это произнесла!»

— Уф! Ну и словечко... — выдохнула она, едва прошёл шок. — Нет! Словечище...

— А чего ты хотела? — рассмеялся Талех. — Синтез джамранских, человеческих и гатракских генов — гремучая смесь.

— Ага, напоминает химеру...

— Или звёздное скопление.

И Женя серьёзно задумалась о будущем потомстве... Ненадолго, правда...

— Мы причаливаем, — сообщил Талех.

А вокруг опять светило солнце. Вернее, садилось. Был мягкий вечер...

— Пора выполнять супружеский долг, — заявил Талех, отбирая у неё пирамидку, и озорно подмигивая. — Вперёд!..

— *«Интересная форма, — отметила Женя, вопросительно поглядывая на Каримера. —*

Пирамида».

— «Конфигурация печати не существенна, — ответил глава опекунов. — Важно то, что внутри. Просто я подумал, пирамида — символ Серендала. А тебе ведь понравился Серендал».

Женю это тронуло до чрезвычайности.

— «Спасибо...».

— «Советую заказать подходящую оправу... Талех, не забывай следить за гранями. Когда проступит красный символ, явишься к генетикам, и тебе снимут предохранитель».

— «Не забуду».

— «А мне надо туда явиться?» — на всякий случай уточнила Женя и напомнила:

— «Я землянка».

Джамрану переглянулись.

— «Всё-всё-всё! — спохватился Каример. — Вам пора. А у меня расписание. Скоро придёт следующая пара».

И расхохотался, увидев Женькино лицо.

— «А вы что думали, одни такие брачующиеся?»

Провожая их до гондолы, он, посмеиваясь, шепнул Талеху:

— «Как меня умиляют земляне...».

Супруги Риэ-Квиезархижь-ххардрэрдах задержались на Серендале ещё с недельку и отчалили. За сутки до отлёта Талех объявил общий

сбор.

— Куда мы теперь? — поинтересовалась Женя, собирая вещи. — На Ролдон?

Баулов неожиданно оказалось много. Серендалские сувениры плюс джамранские подарки друзьям и единственному родственнику на станции — Грегори. Коробки с чаем и сладостями, стратегический запас антигенов и блокираторов, три ящика баллончиков с чулочно-носочно-перчаточными изделиями и жидкость для снятия оных, несколько упаковок кибер-пуговиц... Они имели свойство иногда отрываться и теряться... Вроде ничего не забыли...

— Сперва попутешествуем, — ответил Талех. — Исследуем нашу галактику, как и собирались.

— Э-э... Замечательно! — обрадовалась Женька. — Как свадебное путешествие.

— Называй, как хочешь.

— Эй! А старпом?.. И Фиримин с Хрусталёвым...

— Учёных с инженерами у нас и так хватает, как-нибудь обойдёмся... Фазу-другую...

На самом деле, Талех вздохнул спокойно, когда удалось сбегать вертлявого программиста на поруки Фиримину. Это же была ходячая катастрофа! Хоть и весьма одарённая.

— Агрэгот прошёл стажировку, выполнил

долг перед когортой и в старпомы не вернётся. У него теперь свой астероид.

У Женьки округлились глаза.

— Агрэгот — главнокомандующий?!

— Он недавно со мной связывался, — пояснил Талех.

— О-о... Я так рада за него.

Капитан сдержанно улыбнулся.

— Но из этого следует, что мне нужен другой помощник.

— Кто-то есть на примете?

— Думаю, да... Даген! Он хорошо проявил себя во время путешествия. Срок личной службы закончился. Я отправил запрос о его назначении в командариум. Ответ пришёл на днях. Теперь он старший офицер.

Женя не находила слов... Тихоня старлетт Даген? Вернее, бывший старлетт... Почему бы и нет.

— Смотри, как бы стремительный взлёт не вскружил ему башку.

— Плохо ты ещё знаешь джамрану, — покачал головой Талех. — Прежде мы установим ему испытательный срок и посмотрим. Как проверенный член экипажа, Даген — самая подходящая кандидатура.

— А Ромерик?

Женьке нравился тактик.

— А с этим надо держать ухо остро, — ухмыльнулся капитан. — Он меня устраивает в качестве офицера по тактике.

И они продолжили паковать вещи.

Последней Женя взяла с полки супружескую печать, стиснула в горсти и в нерешительности остановилась посреди комнаты.

— Что ты туда положила? — Талех прошёл мимо неё с коробками. — Камни?

— Ну, почти... Добавить к ним, что ли, ещё один...

— А в чём проблема?

— Да вот, не знаю, куда положить... Шкатулки так и нету.

— Давай сюда, — он поставил коробки на пол и забрал у неё печать. — Я разберусь.

— Ладно...

Наступил день вылета.

— Рэпсид! Рэпсид! Рэпсид! — ликовала Евгения, вприпрыжку устремляясь по средней палубе к мостику. — Как же я соскучилась!

Недавний визит не считается. Тогда главным был Талех, а не корабль...

— Ева! — её догнал Миритин. — Поздравляю! Как ты?

— Спасибо! Прекрасно! — она рассмеялась. — И мы опять летим к далёким звёздам!

Хотела спросить, как сам-то доктор поживает, но тот скрылся за переборкой медотсека, бросив перед этим:

— Заходи вечерком, на чай, — и многозначительно так. — Отметим...

«Никак запася на Серендале кое-чем покрепче Серендалского, — размышляла Женька, в приподнятом настроении вламываясь на мостик.

Там уже все собрались — капитан, новоявленный старпом Даген, тактик, связист и...

— Привет, Борек!

Пилот заговорщицки подмигнул ей.

«Все в сборе! И дружной командой летим к далёким...».

— Курс на Рахтор! — скомандовал капитан.

Женя чуть не хлопнулась мимо кресла. Потому что знала, что на Рахторе живут родители Талеха.

— В чём дело, ксенопсихолог? — нахмурился капитан. — Опаздываете, так ещё и врываетесь не по уставу. Сшибаете кресла...

А через пару часов в капитанской каюте:

— Почему я обо всём узнаю последней?!

— Потребуй сатисфакции, — улыбнулся Талех, — но сперва выпей чайку и успокойся.

— Ну, ты и нахал!

— Поосторожней! А то, сатисфакции потребую я...

— Ну, ты и...

— Тсс... Не забывай, мы теперь женаты.

— Гатрак! — Женька раздражённо плюхнулась на диван, чувствуя себя разведённой, в смысле, обманутой.

Мало того, что обзавелась непроизносимой генометрикой, так теперь и...

— Не понимаю, что тебя так взволновало, — муж спокойно приготовил им чай.

— Ты же говорил, что туда полетим после...
Говорил?

— Допустим. Планы изменились.

— И ещё ты говорил, что визиты к родителям не обязательны. Они сами навещают детей после рождения первенца. Говорил?

— Говорил. Но... Какая разница? Сейчас или потом.

— А почему меня не спросил? — она вскочила.

— У нас равноправие, — напомнил он. — И ты можешь не спрашивать.

Та-ак... Надо было сначала всё разузнать о джамранском равноправии, прежде чем на него подписываться. А то, выходит, это необузданный зверь пострашнее доминирования...

— Не переживай, — Талех отставил чашки и обнял её. — Всё нормально. Мои родители даже не знают...

— В смысле?!

— Я так и не сообщил им, что женился.

— Что-о?!

— И Каример с Сандером не сообщили. И даже Морри...

— Нет! Не-ет, — захныкала Женька и вырвалась. — Талех! Ты... Так нечестно! Я требую...

— Придумывай способ, — невозмутимо откликнулся муж. — Я к твоим услугам.

«А что? Я в своём праве!»

Голова шла кругом.

— Когда будем на Рахторе?

— Завтра утром.

Она застонала.

— Я не успею подготовиться.

— А зачем тебе готовиться? — капитан окинул её взглядом. — Ты и так прекрасно выглядишь.

— Морально! Изверг...

— А вот теперь я требую... — он внезапно очутился у неё за спиной. — Это уже... ммм... за изверга... — и расстегнул верхнюю пуговицу на её кителе.

Хорошо ещё форменные пуговицы не оснащены сенсорами, по уставу. Потому что это — магнето-кнопки.

— Я придумал такую сатисфакцию... Что

мораль тебе на сегодня уже не понадобится.

«Ах, так!»

Она вывернулась и отпрыгнула к двери.

— Значит так! Я тоже придумала. И я — первая. Обмена тебе сегодня уже не понадобится. Потому что отменяется. Лучше пойду и напьюсь с Миритином.

— Странное какое-то требование, — Талех пожал плечами, взял чашку с чаем и развалился в кресле. — Не по-джамрански.

— А я землянка, — отрезала она и вышла за дверь.

— Всё равно вернёшься! Переночевать, — насмешливо донеслось из коммуникатора.

«Ага, как бы ни так! Не надейся! У меня есть своя каюта...».

— А кристалл-то у меня...

Женька остановилась и задумалась.

«И что это сейчас было? Семейная ссора? Вот брок! Месяца не прошло после свадьбы! А мы уже ссоримся... И с каютой я погорячилась. Никуда не скроешься от капитана на его корабле. Отключить коммуникатор и поиграть в прятки? И это так заводит, если честно...».

Она рассмеялась неподходящим мыслям, беззаботно махнула рукой и отправилась к Миритину. Соображать...

Через пару часов капитан отыскал её, в

шаттле. Она-то наивная думала, что замела следы, засунув коммуникатор в скафандр. Талех отменно владел технологией поиска заблудших и вышедших из повиновения. В пределах корабля. Он ещё и фору Женьке дал, для забавы.

— Интересно, — протянул капитан, задумчиво разглядывая её. — Что ты предпочтёшь, мою каюту или гауптвахту?

— Свою... каюту.

— Ладно, — он вздохнул. — Идём, провожу тебя до твоей каюты. Ежели таково требование. А затем, ты выполнишь моё.

— А это не прокукарекать десять раз из-под стола?

— Гм, — Талех озадаченно уставился на неё. — И кто-то имеет наглость утверждать, что джамрану извращенцы!

В коридоре, после лифта, он спросил:

— Почему тебя беспокоит встреча с родителями?

— Я боюсь, — прошептала она.

— Моих родителей? Они не кусаются.

— Нет... — она замаялась. — Твоего отца.

Талех усмехнулся:

— Не глупи, эт-жанди. Поскольку ты со мной, то его бояться нет смысла.

— Хм...

Придётся верить на слово. К тому же, Женя